

СЕРИЯ
"ЖЕМЧУГ ИСКАНИЙ"

Свами Никхилананда

Вивекананда

Биографический очерк

СЕРИЯ "ЖЕМЧУГ УСКАНУЙ"

Свами Никхилананда

Вивекананда

Биографический очерк

Издательский центр РОССАЗИЯ
Сибирского Рериховского Общества
Новосибирск, 2012

ББК 86.33

Н 62

Н 62 Никхилананда Свами. Вивекананда. Биографический очерк / Перевод Р.Г. — Новосибирск: Издательский центр РОССАЗИЯ Сибирского Рериховского Общества, 2012. — 72 с.

**© Издательский центр РОССАЗИЯ
Сибирского Рериховского Общества, 2012**

Свами Никхилананда

Вивекананда

Биографический очерк

Вивекананда родился 12 января 1863 года в 6 часов 49 минут, на восходе солнца, во время большого религиозного праздника. С Ганга доносились песни и молитвы — так встретил его мир.

Мать учила его языку по стихам из «Рамаяны» и «Махабхараты». В ранние годы, перед тем как погрузиться в сон, он иногда видел круглый шар света, меняющийся цвет которого окутывал его тело тёплым золотистым облаком. Видение света сопровождало Вивекананду всю его жизнь, и видения эти постепенно стали регулярными и интенсивными.

Склад ума Вивекананды был рационалистичен. Позднее он говорил: «Не верьте только потому, что вы прочли это в книгах; не верьте только потому, что кто-то сказал вам об этом. Не верьте только потому, что это традиция. Найдите истину сами. Схватите её. Осознайте её и сделайте её частью вашей природы — только это будет реализацией».

В детстве он любил природу, животных и особенно любил музыку. Музыка осталась его Возлюбленной на всю жизнь. Вивекананда был подвижен, весел и излучал радость. В детстве у него было несколько феноменальных случаев. Так, однажды он узнал помещение, в котором никогда раньше не бывал. Он мог узнавать содержание

книги по нескольким строкам. Он испытывал состояния, близкие к стихийному Самадхи.

В 1879 году Нарен* поступил в Калькуттский университет, изучал логику, западную историю и философию. Профессор Хасты познакомил его с Рамакришной.

В это время Нарену было предложено жениться, но он сказал, что судьба не уготовила ему путь домохозяина. С детства Нарен был страстно целомудрен. Чистота его не была негативным отвержением жизни, это было мощное накопление сил, которые хлынули таким неудержимым потоком, позволив ему достойно осуществить его миссию. Нарен искал истину, жаждал ощутить её, живо нуждался в реализации Бога. Он искал человека, который «видел Бога лицом к лицу».

Однажды, находясь среди членов общества «Брахмо-Самадж», он спросил Давендраната: «Сэр, видели ли Вы Бога?» Давендранат, смутившись, ответил: «Мой мальчик, у тебя глаза йога. Тебе нужно медитировать». Нарен понял, что этот человек не сможет помочь ему.

«Если Вы действительно интересуетесь вопросами духа — навестите Рамакришну» — так говорил ему профессор Хасты.

В ноябре 1881 года Нарен впервые встретился с Рамакришной. Рамакришна сказал: «О, как поздно ты приходишь. Я так давно жду тебя, Лорд! Я знаю твоё древнее имя — Нара. Ты пришёл на землю исполнить миссию человеколюбия».

Нарен принял эти слова за экзальтацию сумасшедшего — его рационализм не позволил ему принять Рамакришну. Но он всё-таки спросил: «Сэр, Вы видели Бога?»

После минутного молчания, полного волнения, последовал ответ: «Да, я видел Бога. Я видел Его так близко, как вижу сейчас тебя, только ещё ближе. Бога можно видеть. С Богом можно говорить. Но кто беспокоится о том, чтобы найти Его? Люди проливают потоки слёз из-за жён,

---

* Нарен — Нарендрнатх Датт, настоящее имя Вивекананды.

детей, здоровья и богатства, но кто страдает от отсутствия общения с Богом? Если кто искренне возжаждет Бога, он достигнет Его».

В следующий раз Рамакришна прикосновением погрузил Нарена в экстаз. Ощущая приближение смерти, Нарен воскликнул: «Что Вы делаете со мной? У меня родители, братья, сёстры! Меня ждут дома!» Рамакришна улыбнулся, щёлкнув его по носу: «Хорошо, всё придёт в своё время». Нарен решил, что это гипноз.

Рамакришна же знал Нарена. Задолго до его прихода, погрузившись в Самадхи, Он, отделившись от своего плотного тела, вышел в область Солнца и достиг сферы чистых Идей. Там Он увидел Семь Риши. На коленях одного из них появился младенец, в радости пролепетавший: «Я иду на Землю, пойдём со мной!»

Луч Света упал на дом, в котором родился Нарен. Когда он впервые появился перед Рамакришной, Учитель тотчас узнал его. Но Нарен был представителем нового поколения. Его разум требовал логического осознания этих иррациональных истин. Обладая изумительной чистотой и честностью, он не хотел ничего принимать на веру, не пропустив это через своё сознание и не сделав это частью своей собственной природы.

Пять лет Нарен близко наблюдал Учителя, не позволяя себе поддаваться обаянию Его облика. И Рамакришна ни разу не потребовал от Нарена слепой веры. Он любил Нарена беззаветно. Однажды Он сказал: «Я видел у Виджая божественный свет, светящийся, как пламя свечи, но Нарен ослепляет Солнечной радиацией». Когда Ему сказали, что это слишком, Он ответил: «Вы думаете, это мои слова? Святая Мать говорит мне то, что я только повторяю. А Она говорит только истину». Сам Нарен был почти возмущён. Он начал избегать Учителя. Именно в это время он был подвержен сильному влиянию западной философии. Однажды он сказал Рамакришне: «Чем больше Вы возвеличиваете меня, тем больше я убеждаюсь в беспредельности Вашей

фантазии». Рамакришна был опечален, однако с улыбкой ответил: «Ты разбойник. Я больше не хочу слушать тебя. Мать сказала, что я люблю тебя, потому что вижу в тебе Божественное проявление. В день, когда я больше не увижу в тебе Бога, я не брошу на тебя ни одного взгляда».

Нарен часто не приходил к Учителю неделями, и тогда Рамакришна изнемогал от тоски. Однажды Он посетил Калькутту, где нашёл Нарена поющим в «Брахмо-Самадже». При виде Нарена Рамакришна впал в экстаз. В другой раз он нашёл его дома. Рамакришне сказали, что Нарен занимается с друзьями в комнате на втором этаже. Рамакришна поднялся на несколько ступеней, Нарен вышел, услышав шум. При виде Нарена лицо Рамакришны изменилось, почти теряя сознание, Он прошептал: «Нарен, мой любимый!»

«Что вы, светские люди, знаете о любви? — восклицал позднее в Америке Вивекананда. — Вы, умеющие только пародировать любовь! Только Учитель любил нас как Гений Любви!»

Идея о том, что человек и Бог суть единство и что Бог буквально во всём, казалась Нарену абсурдом. Однажды он, пародируя Рамакришну, показывал на предметы, спрашивая: «И эта чашка — Бог? И это дерево — Бог? И всё это — Бог?» — и заливался смехом. Ученики поддерживали его, все страшно веселились. Появился Рамакришна. Узнав причину хохота, Он очень деликатно приблизился к Нарену, коснулся его и погрузил его в Самадхи. Это имело очень глубокий эффект. Нарен впервые почувствовал великую идею Единства. Он вернулся домой перерождённым.

И теперь на улице, дома, в университете он видел всё во всём. Он начинал прозревать сквозь многообразие форм Единую и Неизменную Субстанцию.

Рамакришна призывал Нарена испытывать Его: «Испытай меня, мой мальчик, испытай меня, как меняла испытывает золото и серебро. Ты не должен ничего брать на веру».

Рамакришна провёл Нарена через испытание. Внезапно Он словно потерял к нему интерес. Иногда Он по целым

неделям не говорил Нарену ни слова. Нарен продолжал приходить и молча сидел у ног Учителя. В конце концов Рамакришна сказал: «Я уже не говорю тебе ни слова, и всё-таки ты приходишь, приходишь до сих пор». Нарен ответил: «Я прихожу в Дакшинешвар, потому что я люблю Вас. Я прихожу сюда не для того, чтобы слушать Ваши слова». Учитель был сражён. Обняв Нарена, Он сказал: «Я испытывал тебя. Я должен был узнать, останешься ли ты, несмотря на моё равнодушие. Только человек твоей интенсивности духа мог выдержать такое равнодушие. Никто бы не остался возле меня так долго». Рамакришна сказал Вивекананде, что он призван стать религиозным Учителем. «Дайте мне сначала реализовать в себе Бога», — заметил Нарен.

Наступил тяжёлый период напряжённого духовного труда. В этот сложный период огромную помощь оказала ему музыка. Он должен был дойти до глубин жизни. Книжки, обряды, догмы были для него лишь подспорьем. Он боролся за Бога. Под наблюдением Рамакришны он начал переходить в сверхсознательное состояние, достигая мира, который оставался в нём некоторое время даже после его «возвращения». Только Рамакришна знал всю тягость его борьбы — для артистического темперамента Нарена было очень трудно обрести этот Абсолютный мир.

В 1884 году Нарен лицом к лицу столкнулся с нищетой — умер его отец, оставив огромные долги. Нарену пришлось взять бремя семьи на себя. Он сильно переменялся. Друзья в это время считали его атеистом, и лишь Рамакришна знал, что в глубине души вера Нарена всё так же глубока и пламенна.

Однажды Нарен погрузился в созерцание, и перед ним ясно и отчётливо открылся его путь. Он понял, что судьба его — быть монахом. Он пришёл к Рамакришне. Рамакришна запел песнь, и слёзы побежали по его щекам. «Не обращайтесь внимания, — сказал Он ученикам, — это касается только меня и Нарена».

Ночью Он позвал Нарена к себе в комнату: «Я знаю, ты рождён для того, чтобы исполнить в мире работу Матери. Я также знаю, что ты будешь монахом. Но останься в миру, пока я жив. Сделай это для меня».

Шесть лет провёл Нарен у ног Учителя, который излучал себя на своих учеников.

Жизнь рядом с Учителем требовала от учеников чистоты мыслей и сосредоточенности ума.

Трудно было Нарену подойти к принятию Кали — Матери — реализации Абсолюта. Но однажды завеса спала с его глаз, и он познал Кали как Божественную Матерь — и отныне сделался Её верным поклонником. Позже он писал в одном из писем: «Поклонение Кали — моя глубокая фантазия». Но никогда он не пропагандировал культа Кали, ибо полагал, что современному утилитарному человечеству это будет недоступно.

В Нарене всё отчётливее проявлялась натура чистого Бхакти. Позже он сам говорил: «Рамакришна был "Джнани" внутри и "Бхакти" снаружи, я же — "Джнани" снаружи и "Бхакти" внутри». Любовь Рамакришны к Нарену была такова, что однажды Нарен сказал: «Учитель сделал меня своим верным, вечным рабом только своей любовью ко мне».

То, что с таким трудом пытался найти Нарен — Живую Истину, — предстало перед ним в лице Рамакришны, открывшего в себе Божественное сознание. Пройдя путями важнейших религий — индуизма, христианства и ислама, — Рамакришна принёс Весть о Единстве всех религий. Однажды он сказал ученикам: «Я прошёл разными путями и нашёл, что в основе всего лежит одна истина. Я могу сказать, что знаю Бога, я могу сказать, что я слуга Его, но я могу сказать также, что я — часть Его. Он — я, я — Он». Рамакришна видел Бога во всём. Он учил своих учеников искать Бога повсюду — в каждой пылинке, равно как и в каждой звезде. Рамакришна любовно помогал Нарену восходить, Он готовил его к особой миссии. Часто говорил он Нарену, показывая на учеников: «Я оставляю их на тебя».

Однажды переживание огромной силы посетило Нарена. Во время медитации он вдруг увидел Свет — Свет становился всё шире, захватывая всё пространство вокруг, и наконец заполнил всё, — Нарен потерял сознание. Когда он пришёл в себя, из всего тела он ощущал живым лишь сердце. Вскоре Рамакришна позвал его к себе и прикосновением погрузил в глубокое Самадхи. Нарен понял полноту бытия. Когда он пришёл в себя, Рамакришна сказал: «О Нарен, вот я отдал тебе всё. То, что я передал тебе, послужит тебе для большой работы в миру, которую ты должен исполнить. Только после этого ты сможешь воспользоваться моим даром для себя». Из этого глубокого Самадхи Нарен вынес одну из самых светлых вестей — «всякая душа потенциально Божественна, и каждый может проявить, реализовать Бога в себе».

В 1886 году здоровье Рамакришны ухудшилось. Больной Учитель передавал последние наставления ученикам. 15 августа он позвал Нарена и почти шёпотом — он уже не мог говорить — дал ему указания относительно учеников. Ученики стояли вокруг. На рассвете 16 августа Учитель три раза отчётливо произнёс имя Божественной Кали и погрузился в последнее Самадхи, из которого он больше не возвращался в физический мир. Тело было предано огню на берегу Ганга. «Я не умер, я лишь перешёл из одной комнаты в другую».

Спустя неделю после ухода Учителя Нарен ночью прогуливался с одним из учеников по дорожкам сада, когда он внезапно увидел прямо перед собой светящуюся фигуру. Сомнений не было: это был Рамакришна. Нарен замер, глядя на этот феномен как на иллюзию. Но его друг воскликнул в изумлении: «Смотри, Нарен, смотри!» Нарен понял, что это Учитель появился перед ними в огненном теле. Когда он позвал других братьев посмотреть на огненное тело, оно уже исчезло.

После ухода Рамакришны ученики Его старались держаться поближе друг к другу Нарен помнил последние

слова Учителя: «Не оставляй их». Однажды в развалинах дома, который им удалось приобрести и где они встречались каждый день, продолжая занятия и упражнения, Нарен был погружён в глубокую медитацию. Внезапно он открыл глаза. Вечерело, и прямо над ними стояла Звезда. С глазами, полными пламенной любви, Нарен начал говорить о жизни Христа, которому «негде было приклонить голову». Он призвал своих братьев следовать дорогой величайшего из Сынов человеческих — Сына Бога живого. Все были потрясены новым подъёмом духовных сил, явленных Нареном. Когда ученики разошлись по своим комнатам, они обратили внимание на то, что это был вечер Рождества Христова. Так посвящение в монашество и организация первого монашеского ордена Рамакришны были осенены благословением Христа. Всю жизнь Нарен хранил в глубине сердца этот Сияющий Образ.

16 молодых людей объединились в общину, приняв имена Свами. Нарена нарекли Свами Вивекананда. Они поселились в Бараногоре. Что это была за весенняя пора их жизни! Иногда они неделями сидели впроголодь, но никогда не утихали музыка, молитва, радость и мир, который царил между ними. Общим было их платье, общими были их достижения, общими были их пламенные взывания к Богу. Вивекананда был как старший. Он был бесконечно внимателен и строг к братьям, он не давал им упиваться эмоциями, протестовал против аскетизма; учил их новейшим системам философии. Гегель и Кант, Шанкарачарья и новейшие позитивные системы философии обсуждались ими. Вивекананда непрерывно думал о том, как внести Свет, полученный им от Учителя, в обыденную жизнь, осветить сознание миллионов ещё не пробуждённых существ.

Они были очень молоды; часто в доме звенел смех и раздавалась весёлая музыка, но никогда не допускалось забвение главных черт монашества — полного контроля над своей низшей природой и реализации в себе Бога. В те дни Вивекананда работал как сумасшедший. Рано утром, когда было ещё темно, он выскакивал из постели и будил

других песней. «Вставайте, пробуждайтесь все, кто хочет испытать Божественный Нектар!» А вечером, после восхода луны, братья сидели на ступенях дома, зачарованные песнями Вивекананды, которые он посвящал Богу.

Через некоторое время Вивекананда предпринял путешествие по Индии. Безвестный монах, он прошёл Индию пешком, посетил Святые места. В это время он осознавал свою миссию. Вопрос, который он решал для себя, заключался в том, чтобы понять, является ли Веданта тем Учением, которое может быть воспринято современным миром. Пройдя всю Индию, проникнув в древнюю культуру её, он вынес основную идею не только индийской, но и всей восточной философии — Единство, Единство в многообразии, Единение с Абсолютом.

С другой стороны, Вивекананда увидел, в каком параличе находится его Родина. Западная цивилизация, поставившая во главу угла волю и инициативу индивидуума, накопившая огромный опыт технического прогресса, вызвала уважение Вивекананды, который, однако, никогда не закрывал глаза на односторонность этого развития. И в сознании Вивекананды начинает оформляться идея, почти страсть — желание навести мост, соединяющий Восток и Запад, оплодотворить молодое тело Запада древним Универсальным Духом Востока. Только теперь начинает он понимать, каким благодатным плодом Индии явился Шри Рамакришна, как глубока была Его идея Единства. И Вивекананда начинает оформлять в конкретную программу свои мысли. Он снова уходит в странствие, написав друзьям: «Я должен либо найти реализацию моего идеала, либо погибнуть. Я уйду! Да поможет мне Господь найти мой собственный путь!»

Во время этого странствия, однажды ночью, прямо перед молящимся Вивеканандой появился Рамакришна. Двадцать одну ночь повторялось это видение. Двадцать одну ночь укреплял Учитель дух своего любимого ученика. Погрузившись в глубокое Самадхи, Вивекананда

узнал, что до его рождения Господь избрал его своим инструментом для проведения работы в мире, для пробуждения спящего духа его современников. Вивекананда всё больше и больше прислушивается к стонам угнетённых, бедных, заблудших. Он всё больше чувствует себя их слугой. Он также начинает прозревать духовную нищету Запада, заглушившего грубым материализмом призыв Духа в своей душе.

Он уже начинает принимать в свою душу страдания миллионов людей Востока и Запада; он уже начинает утверждаться в мысли, что Веданта, вынесенная из Индии в мир, может облегчить людям путь освобождения. Но что может он, двадцатипятилетний молодой монах?

В 1890 году он снова покинул монастырь, но на этот раз с решением больше не возвращаться. Он удалился в Гималаи и там пребывал некоторое время. Он молил Божественную Мать открыть ему высшую мудрость. В свою записную книжку он занёс следующие строчки: «Вначале было Слово. Микрокосм и макрокосм построены по одному плану. Так же как индивидуальная душа заключена в человеческое тело, так же Универсальная душа заключена в природе. Кали держит в объятиях Шиву. Это не фантазия. Это сокрытие духа в природе подобно отношению между идеей и словом, способом выражения её. Дух, абстрактная идея может проявиться лишь через многообразие природных форм. Мысль невозможна без слов, выражающих её. Вот почему вначале было Слово».

Так осуществил в себе самом идею единства Вивекананда, так проник он в идею атома, заключающего в себе всю Вселенную.

В январе 1891 года Вивекананда пошёл по Индии неизвестным саньязином, решив пройти её всю своими ногами. Но огонь, горевший в его глазах, и облик принца под одеждой саньязина привлекали к нему толпы людей. Дели, Раджпутан... Сегодня он спал вместе с париями, а завтра беседовал с махараджами и профессорами. Он вби-

рал в себя все горести и печали Индии. Эти дни были для него днями учёбы. Он сам становился Индией, её сознанием, её судьбой. Он постоянно менял имя, путешествуя анонимно. Он шёл под монашеским именем Свами, или Сваמידжи.

Однажды в одном из княжеств Вивекананда был хорошо принят премьер-министром. Когда премьер-министр познакомился с системой Вивекананды, он сказал: «Сваמידжи, Вы не сумеете быть производительным в этой стране. Вы должны вынести индуизм на Запад, познакомить Запад с системой индуизма». Вивекананда был удовлетворён — слова, уже глубоко лежащие в его душе, были произнесены вслух. Премьер-министр предложил Вивекананде свои услуги в изучении французского языка, который мог ему понадобиться в его будущей работе. Достигнув мыса Коморин, крайней точки Индии, Вивекананда принял решение.

На мысе Коморин Вивекананда превратился в ребёнка. От снежных вершин Гималаев спустился он, пройдя по всей стране, и теперь взор его тонул в синих волнах океана. Здесь, перед лицом океана, проходила в его сознании панорама современной Индии — ненависть и рознь между кастами, между религиями; нищета, невежество, забвение идеалов. С этим знанием в душе мог ли он считать мир иллюзией и отгородиться от мира, ища единения с Богом? И Вивекананда восклицает: «Родись я вновь и вновь, я отдал бы все свои жизни, чтобы помочь на пути к свободе хотя бы одной душе. Я нашёл моего Бога — мой Бог в человечестве. Единственный Бог, в которого я верю, распростёрт среди людей. Мой Бог — слабые, мой Бог — угнетённые, мой Бог — бедные всех рас и исповеданий. И если я хочу служить моему Богу, я должен служить человечеству».

К этому времени дух Вивекананды окреп и утвердился. Постоянным самоконтролем он накопил огромные силы. У него было благословение Рамакришны, у него были

прочные знания западной и восточной философии, у него уже был богатый собственный духовный опыт — он был готов выйти на своё поприще. Вивекананда принял истинное сыновство от Индии. Он решает в сердце своём возродить свою Родину. Но путь лежит через Запад. Вивекананда выходит послом Индии в мир, прокламируя: «Индия нужна миру, с её знанием Бога, с её методой освобождения, с её накопленным духовным наследием. Гибель Индии отзовется в мире огромной потерей, которая задержит духовное освобождение всего человечества. Возрождение Индии — вопрос возрождения Духа в человечестве».

Здесь, на «краю света», видение посетило его: он увидел Америку — новую страну, лишённую кастовых предрассудков. Он увидел идеи Индии, плывущие над Америкой, и сильную энергию Америки, дающую толчок Индии. Он услышал слова, сказанные ему одним махараджей: «Иди и возьми их штурмом, и тогда возвращайся».

Вивекананда двинулся на север. В Хайдарабаде он впервые выступил с публичной речью «Моя миссия на Западе». Но он боялся ошибиться и принять собственное желание за приказ своего Бога. Он молился день и ночь, чтобы Бог открыл ему Истину. Он молился, прося водительства и указа. Деньги, которые собрали для его поездки друзья, он не взял: «Если по желанию Матери я должен отправиться на Запад, тогда пусть народ соберёт деньги на путешествие. Это для них я отправляюсь на Запад — для народа, для бедных и обездоленных».

Однажды он имел видение: Рамакришна шёл по воде, пересекая океан, и звал Вивекананду последовать за ним. Голос отчётливо произнёс: «Иди». Вивекананда написал Сарада-Девы, Божественной Матери, вдове Рамакришны, и она прислала ему своё благословение, объявив, что Рамакришна давно предвидел и желал его путешествия за океан. Вивекананда услышал зов — больше он не сомневался.

31 мая 1893 года в оранжевом одеянии саньязина и в тюрбане Вивекананда взошёл на корабль, отплывающий

в Америку. С идеей, завоёванной им в духовном сражении, — единство в многообразии — отправился Вивекананда на Конгресс Религий. И могла ли Индия послать сына более достойного представлять её на Конгрессе Религий, нежели Вивекананда? Сына, прошедшего её своими ногами, сына, познавшего её радости и печали, сына, реализовавшего в себе самом её идею единства в многообразии — идею грядущего Мира, идею Великого Единства.

Конгресс Религий открылся 11 сентября 1893 года в 10 часов. Конгресс был весьма представительным. Каждый делегат представлял свою организацию, и только Вивекананда был, так сказать, частным лицом, имея за собой, однако, Универсальную Религию. Он так нервничал и волновался, что когда первый раз получил слово, то не смог говорить. Позже он писал: «Меня охватил страх, язык мой прирос к гортани, и я стоял молчаливо до тех пор, пока смог пролепетать просьбу перенести моё выступление позднее».

Наконец его время пришло: «Братья и сёстры Америки!» — произнёс он, и две минуты бушевал шквал аплодисментов, не дававший ему говорить. Что же произошло? Люди, привыкшие к блестящим ораторам, к изоощрённой аргументации, вдруг все разом почувствовали простое, человеческое, идущее от сердца обращение. К ним, затемнённым недоверием, одиночеством, вдруг, сокрушая все преграды, обратился брат.

«Братья и сёстры Америки! Я приветствую самую молодую страну от имени самого древнего монашеского ордена древнейшей страны. Многообразны текущие воды Земли — ручьи и реки, водопады и моря, — но всё вбирает в себя океан. Так и религии — сколько бы их ни было и как бы ни боролись они между собой, в основе их лежит одна Великая Религия, объединяющая их все. Сколько бы ни было оттенков цвета кожи и различия в языках — в основе лежит один корень Человечества, и все мы — ветвь от Одного Древа, и все мы — братья и сёстры!»

В то время как делегаты говорили о своих сектах, Вивекананда провозгласил Живого Бога — Истину, воспринятую у ног своего Учителя Рамакришны, который опытным путём постиг, что все религии ведут в один и тот же Океан Милосердия, что все формы и оттенки — суть лишь различные аспекты Единой Великой Истины. Провозгласив эту Истину, Вивекананда сокрушил перегородки между расами, кастами, сектами и классами, призвав к единению всего человечества в одну большую трудовую Общину. Этот вечер сделал доселе неизвестного индийского монаха ведущей фигурой современного религиозного мира. Накануне открытия конгресса, когда Вивекананда заметил, что у него нет полномочий представлять на конгрессе, один из руководителей сказал: «Вам, Свами, просить полномочий представлять — это всё равно, что солнцу просить разрешения светить».

Слава обрушилась на Вивекананду. Уже утром на улицах Чикаго были развешаны огромные портреты Вивекананды с надписью «Монах Вивекананда». Все газеты опубликовали полный текст его выступления. Видный руководитель христиан заявил: «Вивекананда истинно принц среди людей». Газета «Нью-Йорк Геральд» написала: «Он, безусловно, самая крупная звезда на религиозном небосклоне. Слушая его, понимаешь, как нелепо посылать в его страну миссионеров». «Америка открыла для себя Вивекананду и склонилась перед ним почтительно» («Бостон Ивнинг Пост»).

Газеты Индии сообщили о триумфе Вивекананды, и братья-монахи не могли прийти в себя от изумления, читая о головокружительном успехе их любимого Нарена. Но как же сам он реагировал на этот триумф? Он понимал, что его изолированная жизнь монаха, достигающего в тишине общения с Богом, кончилась. Он не мог дальше продолжать жизнь, полную грёз и видений. Он должен был теперь перейти к жизни общественного деятеля, на которую вывел его Зов. Когда он возвратился ночью в свой отель по-

сле первого триумфа, он проплакал всю ночь, как ребёнок. Наутро Вивекананда уже не имел материальных проблем. Все двери были открыты перед ним. Это гостеприимство заставляло его страдать, ибо перед глазами вставали картины нищеты его народа. Его страдания были так ужасны, что однажды ночью он бросился наземь, рыдая: «О Мать, я не могу принимать всё это, в то время как Родина моя прозябает в нищете! Почему тысячи моих соотечественников умирают от недостатка горсточки риса, а здесь бросают миллионы на свой комфорт! Кто поднимет массы Индии? Кто даст им хлеб? Научи меня, Мать, как я могу помочь им». И однажды, в публичном собрании, Вивекананда заявил, что то, в чём нуждается Индия, не религия, но хлеб, хлеб, хлеб!

Он начинает изучать американскую действительность и особенно пытается понять, чем объяснить высокий жизненный уровень в этой стране. Вивекананда был приглашён сделать тур по Америке. Он согласился. Он решил заработать деньги, чтобы использовать их для нужд своей Родины. Кроме того, он считал своим долгом познакомить Западный мир с древним Учением Веданты. Он проехал почти по всей Америке. Путь его не был усыпан розами. Вскоре заметил он эгоистические, жестокие черты американской жизни и подверг их уничтожающей критике.

В то же время в сердцах истинных христиан он зажёг пламень. Вивекананда резко протестовал против лжехристианства и лицемерия многих христианских лидеров. Он говорил: «Если вы хотите выжить, вернитесь назад к Христу. Вы не христиане. Нация, коей вы сейчас являетесь, — нет, вы не христиане. Вернитесь назад к Христу. Вернитесь к Нему, Который не знал, где приклонить голову. Вы, религия которых построена на деньгах! Что за ирония судьбы! Отбросьте это, если хотите жить, отбросьте это. Нельзя служить одновременно Богу и маммоне. Всё ваше процветание — всё это во Имя Христа? Христос отрёкся бы от всей этой ереси. Если вы действительно сможете со-

единить это ваше "процветание" с идеями Христа — благо вам, но если не можете — вернитесь к Нему, отбросив суетные усилия, которые суть лишь лицемерие и которые приводят вас на край пропасти. Лучше жить в бедной хижине с Христом, нежели в золотом дворце, но без Него».

Своей критикой лжехристианства Вивекананда вызывал озлобление «христианских» вождей, которые не заставили себя долго ждать и обрушили на Вивекананду целый поток грязной клеветы. К ним примкнули некоторые «религиозные деятели», ревниво задетые триумфом Вивекананды на конгрессе. Теософы присоединились к этой травле. Они заявили, что Вивекананда нарушил устав монашества, позволяя себе есть запрещённую еду и широко общаться с мирскими людьми. Друзья и братья в Индии были весьма напуганы и посылали ему вырезки из газет, которые стали распространяться в Индии. Вивекананда ответил им просьбой не присылать ему больше этих газет: «Я удивлён, что вы принимаете эту миссионерскую чепуху столь серьёзно. Если индийцы так заботятся о чистоте моей диеты, то пусть пришлют мне повара и достаточно денег, чтобы организовать свою собственную кухню. С другой стороны, если миссионеры уверяют, что я отрёкся от двух краеугольных основ монашества — чистоты и бедности, — скажите им, что они большие лгуны. Что до меня, то я не признаю права диктата надо мной и шовинизма. Я ненавижу трусость и дряблость. Мне совершенно нечего делать с трусами и политическими проститутками. Я не верю ни в какую политику. Бог и Истина — единственная политика в мире, всё остальное — мерзость».

Америка Эмерсона и Торо, Элиота и Уитмена, которого Вивекананда назвал «саньязином Америки», не смогла осуществить мечту о соединении Запада и Востока. Золотая лихорадка 1849 года в Калифорнии, гражданская война, технический прогресс произвели сдвиг в сознании американцев и направили все их побуждения на удовлетворение материальных нужд. В философии господствующей

щими стали позитивизм и прагматизм. Появление Свами Вивекананды в Америке было первым явлением живого посланника Востока на Запад. Вивекананда явился вестником грядущего пробуждения Востока.

Путь по Америке был тернист. Бюро эксплуатировало Вивекананду и зазывало на него, словно на белого слона из цирка. По всей Америке пестрели плакаты с описанием всех физических качеств Вивекананды, с объявлениями: «Оратор Божественного Разума», «Лучшая модель расы», «Изумительный Учитель Жизни», «Саньязин в Конгрессе Религий». Вивекананда разорвал с ними и начал сам устраивать свои выступления. Иногда он давал по 16 лекций в неделю. Аудитория его была пёстрой — среди искренне стремящихся к познанию были толпы зевак, любителей сенсаций и просто недоброжелателей. Каждая лекция требовала от Вивекананды огромного напряжения. Вивекананда провозглашал Единого Бога, единство религий, единство человечества.

«Христос, Будда, Кришна — волны Океана Божественного Сознания, которое есть Я». Его подкупали и запугивали, но он был словно камень Адамант, он говорил: «Я стою за Истину. Истина никогда не совмещалась с фальшью. Если даже весь мир будет против меня, Истина будет защищаема мною до конца. Я не откажусь от этой привилегии...»

Однажды Вивекананда был приглашён атеистами-материалистами и прагматистами принять участие в публичном диспуте в Нью-Йорке. Один из участников этого диспута описывает ошеломляющий результат этого мероприятия. «Свами Вивекананда предстал перед публичной живым олицетворением плодоносной и благой идеи, которую он проповедовал. Он явил собой такой сильный контраст всей этой атеистической публике — сухой, высокопарной, бесплодной, что одного его облика, одного его мелодичного голоса и глаз, полных жизни, было достаточно, чтобы одержать победу. Когда он заговорил, обнаруживая не схоластические упражнения, но живую логику, жи-

вое знание, поразительную аргументацию, зал взревел от обожания. Результат был ошеломляющим — сотни покинули этот зал с горячей верой в Бога, с желанием назвать себя учениками этого живого олицетворения Истины. Среди них был пишущий эти строки, который от того дня начал считать своё истинное рождение в этот мир».

Вивекананда интенсивно учился в Америке — он изучал экономику, социологию, организацию производства, знакомился с культурой Америки. Он писал в Индию, выражая восхищение многими сторонами американской культуры. Вивекананда снова и снова взывает к братьям в Индии. «Бог наш — это бедные, угнетённые, отверженные, и нет другою Бога. И мы, которые образовались за их счёт, соединились с Богом за их счёт, чем мы ответим им?» «Пробудите в себе львов, мои мальчики! Я призван Господом позвать вас — пробудитесь львами, братья мои! Оглянитесь на страдания вашей страны и выйдите на помощь ей. Двенадцать лет я жил с этой идеей в моём сердце — я переходил от порога к порогу, утверждаясь в этой мысли. Я пересёк океан. Господь поможет мне. И теперь я говорю — восстаньте, мои братья, в силе, в добре, восстаньте перед Богом вашим и принесите Ему жертву — всю жизнь вашу, всю кровь вашу. Принесите жертву — служение тому, кого Он любит, в ком Он обитает. Служите бедным, служите отверженным, служите обездоленным, ибо в них Бог, ибо только служа им, вы принесёте достойную жертву Самому Господу. Жизнь — ничто, смерть — ничто! Бог — всё! Вперёд, мои братья, не оглядывайтесь! Всегда только вперёд!» «Не позволяйте сомнению свить гнездо в вашем сердце, которое должно стать пьедесталом Господа вашего. Храните в сердце Его Образ и предоставьте всему остальному совершаться само собою. Твердите день и ночь: "Ты — Отец мой, Мать, Супруг, Любовь моя, Господь мой, мой Бог, я не хочу никого, кроме Тебя, никого, кроме Тебя, никого, кроме Тебя. Ты — во мне, я — в Тебе. Я — Ты, Ты — я!"»

«Богатство уходит, проходит молодость, жизнь ускользает, власть истощается — но Господь пребывает, но

Любовь не проходит вовек. Мой Бог, Любовь моя! Встречая каждый рассвет, тверди: "Мой Бог, Любовь моя! Ты во мне, я вижу Тебя, Ты со мной, я чувствую Тебя, я — Твой, возьми меня, я не мирской — не покидай меня"».

В Нью-Йорке Вивекананда не смог задержаться. Внезапно он заболел от «общества высших классов», поняв, что для них он лишь развлечение, любопытство и что, познакомившись с ним, «приняв его на час» и даже вдохновившись его идеалами, они не смогли отказаться ни от одной своей паршивой привычки. Он уехал в Балтимор, где ему предложили прочесть серьёзный цикл лекций. И за гроши он повёл школу — ежедневные лекции, практические занятия, которые вылились в написание в 1895 году курса «Раджа-Йога», столь восхитившего русского писателя Толстого. Вивекананда нашёл свою аудиторию. Миссис Элен Вандо, записывавшая за Вивеканандой, вспоминает: «Он всегда диктовал, выходя из медитаций. Я сидела наготове. Он медитировал, затем внезапно начинал говорить. Сила и экспрессия его голоса заставляли содрогаться мою душу, словно от разрядов грозы». Так была записана «Раджа-Йога».

В конце 1894 года Вивекананда почувствовал себя обесилённым — он оказался на краю гибели. Он был «выжат». Друзья увезли его в уединённое поместье. 7 июня 1895 года он написал оттуда: «Я здесь родился вновь. Я один в лесу, читаю мою Гиту, и я совершенно счастлив». Там он провёл семь недель. Возле него образовалась школа — преданные ученики пришли к нему, посвятив свою жизнь идее Единства. Ежедневно вёл Вивекананда занятия. Все поселились вместе и такой маленькой коммуной прожили счастливые дни. «Реализуйте в себе Бога, нет другой задачи в этом мире» — так учил Вивекананда. Он требовал от учеников целомудрия. «Не думаете ли вы, что требование целомудрия во всех без исключения монашеских орденах имело смысл? Духовные Гиганты образовывались при соблюдении этого условия. Не думаете ли вы, что это имело смысл?»

Есть прямая зависимость между целомудрием и Духовностью. Объяснение заключается в том, что все Святые сбегали свои самые жизненные силы и трансмутировали их в духовные силы. Они перерабатывали половую энергию тела в духовную энергию. В Индии это хорошо известно, и йоги отлично владеют этой трансмутацией. Перерабатываемая сила называется оджас, и она является питанием духа. Её следует перевести снизу вверх. И это единственный материал, при помощи которого можно достичь самопознания. Я не знаю иного пути. Пока ты говоришь с Богом, твоя низшая природа должна безмолвствовать».

Однажды одна из учениц Вивекананды спросила его, как бы он прореагировал, если бы самая прекрасная женщина в мире посмотрела на него с притязанием. «Если бы самая прекрасная женщина в мире посмотрела на меня с притязанием, — ответил Вивекананда, — она тотчас бы превратилась в безобразную зелёную лягушку, и этим проблема была бы снята».

Когда наступило прощание и ученики провозгласили Вивекананду великим Учителем, он очень огорчился: «Мы не организация и не должны создавать таковую. Каждый свободен учить другого, свободен учить, пока он или она того хотят. Если вы имеете внутри свободный дух, вы никогда не будете принуждать другого. Свобода личности мой принцип. Я не претендую на роль Вселенского Учителя. Я знаю не так много. Это немногое я предлагаю без остатка. Когда мне оказывают почести, я чувствую себя плохо. Я саньязин. Я вижу себя слугою в этом мире, а никак не хозяином. Я свободен, я не привязан. Что мне делать с моим телом, как мне сделать его проводником Высшего Духа? Я проповедую Истину. Я — дитя Божье. И Он послал меня на эту землю, и поведал мне Истину, и сделал слугою людям. И я буду работать так интенсивно, как только смогу, до самой смерти и после смерти. Я буду работать на благо мира».

В конце 1895 года Вивекананда принимает приглашение из Лондона. Именно в эти дни он начинает чувствовать

приближение конца. «Мои дни истекают». Но дела, которые надлежит закончить, заставляют его забыть о теле.

Через Париж Вивекананда приезжает в Лондон. Англия встретила его гостеприимно и сердечно. Он был здесь уже широко известен по прессе как «индийский йог». Ему сразу же предложили лекции и встречи. Его первая встреча вылилась в демонстрацию признания и любви к нему. Все передовые газеты посвятили ему огромные статьи. «Дейли Хроникл» сравнила его влияние с влиянием Будды. Даже церковные руководители протянули ему руку. Но главным приобретением Вивекананды в Лондоне была мисс Маргарет Нобль, которая позже стала его ученицей, посвятившей свою жизнь женскому образованию в Индии. Она также сыграла большую роль в деле национального освобождения Индии. Многие статьи и книги, написанные ею, помогали индийским лидерам в их борьбе против британского владычества. Мисс Нобль родилась в Ирландии в 1867 году. Её отец и дед были церковными деятелями и принимали участие в борьбе за свободу Ирландии. Её бабушка и отец образовали её душу по Библии. Отец, умерший тридцати четырёх лет, предчувствовал призвание дочери. В один из последних дней жизни он сказал жене: «Если Господь позовет её, пусть идёт. У неё есть дело. Она сделает много добра».

Карьера Маргарет сложилась блестяще. Уже в 1895 году она имела свою школу в Лондоне, была видной деятельницей группы «За освобождение Ирландии», а также секретарём Клуба, куда входили Бернард Шоу, Хастли; читала лекции на темы: «Психология детства» и «Права женщин». Таким образом, к моменту приезда в Лондон Вивекананды она была уже прекрасно подготовлена к будущей миссии в Индии. В то же самое время Маргарет переживала большую личную драму. Она была страстно влюблена в молодого человека, чьей невестой она считалась, и уже был назначен день венчания, накануне которого другая молодая особа «увела» жениха за собой. За несколько

лет до этого случая Маргарет была обручена с другим молодым человеком, который внезапно заболел скоротечной чахоткой и умер. Это потрясло Маргарет.

Однажды её пригласили на вечер к леди Изабел Маргэссон, где несколько близких друзей должны были встретиться с Вивеканандой. Имя Свами Вивекананды было в это время у всех на устах. Мисс Нобль впервые увидела Свами Вивекананду в субботний вечер в гостиной Изабел Маргэссон. Он сидел в индийском одеянии перед группой людей. Маргарет пришла последней. Пятнадцать человек сидели в комнате в абсолютном молчании. Она с беспокойством почувствовала, что все взоры устремились на неё, и, заметив первый свободный стул, бесшумно опустилась на него. Свами взглянул на неё. Огонь камина горел сзади него. Она встретилась с его взглядом и утонула в нём. «Я пыталась спрятаться от этих проникающих в сердце глаз и не могла — и с ужасом почувствовала, что он читает в моей душе, словно в открытой книге. Затем он с улыбкой перевёл взор на Изабел. Она сказала: "Свамиджи, теперь все в сборе". Он начал петь санскритские стихи. Мелодичный голос его молил и приказывал одновременно. Он пел: "Вся наша борьба во имя Свободы. Нас не остановит ни бедность, ни богатство. Свобода, Свобода, Свобода"». Для мисс Нобль было совсем не легко принять взгляды Вивекананды, и тем не менее прежде, нежели он покинул Лондон, она начала обращаться к нему «Учитель». Возвращаясь к этой первой встрече с Учителем в Лондоне, которая изменила её жизнь, Ниведитта писала в 1904 году: «Если бы он не приехал в Лондон в то время, жизнь была бы лишённой смысла, лишённой той Радости, в преддверии которой я жила с детства. Я всегда говорила себе, что будет Зов. И Он прозвучал».

В Англии Свами Вивекананда осуществил запись на английском языке «Бхакти-Йоги». Он пробыл в Лондоне недолго, но глубоко был тронут верностью и пониманием, встреченными им здесь. 18 ноября 1895 года он писал: «В Англии моя работа более чем успешна, она приносит

мне радость. Я сам удивляюсь всему, что нашёл здесь. Англичане не говорят много в газетах, но много и молчливо работают. Я уверен, что за это короткое время я сделал здесь больше, чем за долгое время в Америке».

В ноябре 1895 года он вернулся в Америку. В Нью-Йорке он записал курс «Карма-Йоги». Здесь появился англичанин Гудвин, верное сердце, которое сразу и навсегда отдало себя на службу идеям Вивекананды. Отныне Гудвин стенографировал лекции и выступления Вивекананды. Гудвин последовал за Вивеканандой в Индию.

Второе путешествие Вивекананды по Америке было грандиозным. Он читает курс лекций «Бхакти-Йоги», и сам он весь Любовь. «Никогда я не видела его таким, — вспоминает мисс Фанк, — он весь светился Божественной красотой, на него было невозможно смотреть, он представлял собой законченность, совершенную форму. И внезапно я поразила мысль, которая пронзила меня, — он заканчивает свой путь на земле. Я испугалась, стала отгонять эту мысль, но в глубине души знала, что это правда».

25 марта 1896 года Вивекананда начинает свой блестящий курс «Философия Веданты» в Гарвардском университете. Это произвело такое впечатление, что ему присваивают звание профессора и приглашают читать лекции. Подобное приглашение последовало также от Колумбийского университета. Он отклонил оба предложения, извинившись, что сан саньязина не позволяет ему ответить согласием.

«Поставить абстрактные идеи на современную базу, сделать религию доступной каждому ребёнку, возродить огонь веры — вот моя работа, к которой я позван. Как далеко я успею, знает лишь Господь. Наше право работать, но не пожинать плоды работы».

Вивекананда ставил также задачу — соединить сознание Запада и Востока. Этой цели служило общество Веданты, которое организовалось в Нью-Йорке.

«Необходим интенсивный обмен между Западом и Востоком. Каждый должен так просто проходить туда и обратно, словно из одной комнаты общего дома в другую».

Он решил осуществить обмен культурных сил. Он позвал нескольких учеников на Запад преподавать Веданту, на Восток пригласил европейцев, предложив им ознакомиться Индию с новейшими техническими и научными достижениями Запада. Вивекананда приезжает в Лондон, куда по его требованию прибыл в это время Свами Сараданаанда, чтобы открыть в Лондоне школу Веданты. Встреча двух братьев-Свами после долгой разлуки была очень восторженной и радостной. В Лондоне Вивекананда работал день и ночь. Лекции, занятия с учениками, серьёзные и глубокие курсы в университете. Появляется «Джнана-Йога». Маргарет Нобль в этот приезд Вивекананды стала уже для него близким и необходимым сердцем. В июле 1896 года Вивекананда, вконец истощённый работой, был увезён друзьями в Швейцарские Альпы. При виде снежных вершин он прыгал и радовался, как ребёнок. Он нашёл, что крестьяне в Альпах напоминают крестьян в Гималаях. В маленькой деревушке в Альпах пришла к нему идея организовать в Гималаях ашрам-монастырь. «О, я мечтаю о монастыре в Гималаях, где бы я мог провести остаток дней, медитируя и принося Богу молитвы. Это мог бы быть центр духовной жизни, где ученики Запада и Востока могли бы вместе трудиться, а я бы помогал им».

После Швейцарии Вивекананда посетил Германию, приняв приглашение профессора Дойссена, санскритолога. Затем он вернулся в третий раз в Лондон. Он посетил Макса Мюллера в Оксфорде, Эдварда Гартнера и других.

Но вот Вивекананда говорит, что голос Индии позвал его, и просит заказать четыре билета. С ним решили навсегда уехать в Индию супруги Сэвьер и Гудвин.

16 декабря 1896 года из Неаполя Вивекананда отплыл на пароходе на Цейлон. На корабле он встретил двух христианских миссионеров, которые вели с ним дискуссии о преимуществе христианской веры, и, потеряв терпение и выдержку, начали ругать непристойными словами индуистскую религию. Вивекананда вдруг подошёл к одному из

них, схватил его за шиворот и прошептал: «Если вы ещё хоть одним словом оскорбите мою религию, я выброшу вас за борт». «Отпустите меня, сэр, я обещаю вам никогда больше не делать этого», — пробормотал миссионер. Позже, в разговоре с одним молодым человеком в Калькутте, Вивекананда спросил: «Что вы будете делать, если на ваших глазах кто-нибудь оскорбит вашу мать?» Молодой человек ответил: «Я задам ему хороший урок...» «Отлично, — сказал Свами, — если вы занимаете такую же позицию относительно вашей религии, вашей истинной Матери, почему же вы остаётесь равнодушным и позволяете миссионерам оскорблять её каждый день? Где ваша честь? Где ваше сердце? И кто защитит нашу Мать?»

Рано утром 15 января 1897 года берег Цейлона с коcosовыми пальмами и золотыми деревьями показался на горизонте. Сердце Свами было переполнено радостью. На берегу его ожидали выехавшие ему навстречу ученики. С того дня, когда впервые голос его прозвучал на Конгрессе Религий, Вивекананда знал, что Индия проснулась от его голоса. Зов был услышан с другого конца океана. Одному оппоненту в Детройте, сомневавшемуся в способности Индии воспрянуть, Свами горячо возразил: «Индия внемлет мне. Я потрясу Индию и волю энергию в её вены. Подождите. Вы увидите, как Индия встретит меня. Это Индия, моя Индия пробуждается, и в венах её будет течь моя кровь. Индия встретит меня с триумфом».

Когда весть о возвращении Вивекананды достигла Индии, миллионы сердец восторженно встрепенулись. Духовный вестник древней страны возвращался, исполнив свою миссию. Индия открыла объятия своему возлюбленному сыну. В больших городах были сформированы комитеты встречи Вивекананды, его братья и ученики умирали от желания скорее увидеть его. Навстречу ему в Мадрас и Коломбо выехали братья-монахи. Многие из Бенгалии и северных провинций прибыли в Мадрас, чтобы встретить его здесь. Все газеты печатали публикации о его жизни и работе. Весь путь следования Вивекананды был украшен приветствиями,

цветами и пальмами. Всё было в ожидании. Когда монах в оранжевом одеянии, с пылающим пламенем в глазах, появился на берегу, тысячи сердец, слившись в единое сердце его Матери-Родины, открылись навстречу ему. К ногам его склонились в порыве благодарности и признательности тысячи соотечественников. Депутация правительства Цейлона вышла приветствовать его. И весь путь, украшенный триумфальными арками, прошёл Свами Вивекананда, осыпаясь цветами, благословениями, под музыку религиозных песен и молитв. Развевались флаги, звучали религиозные гимны, Индия ликовала. Священная вода Ганга омыла его пылающий лоб, и гирлянды цветов обрамляли его плечи. Дом, где приготовили ему ночлег, утопал в цветах и пальмах. Свами Вивекананда не отверг ни одного из этих народных приношений. Он не уклонился от триумфа так же, как и не уклонился от борьбы. Он принял этот триумф, как триумф идей Индии, признание её вести миру о Великом Единстве народов. В речи, произнесённой в Коломбо, он сказал: «Смотри, Индия, кого венчаешь ты почётным венцом сегодня! Не генерала, не принца, не богача. Не бездомный ли, не бедный ли монах стоит сегодня в лучах Славы твоей, Индия? Истинно, ты преклоняешься сегодня перед единственной правдой твоей, Индия, перед Духом Истины, перед единственным твоим достоянием, перед бесценным твоим сокровищем, а бедный монах — только голос возлюбленного сына твоего, Индия, который пробудил твой дремлющий Дух. И то, что происходит, — есть величайшая демонстрация торжества проснувшегося Духа. Ты пробудилась, Святая Мать, Ты пробудилась, Любовь моя, Ты пробудилась, чтобы передать миру торжествующую Истину».

Вивекананда проследовал в Мадрас, где снова триумф ожидал его. На небольшой станции недалеко от Мадраса собралось столько людей, что весь дальнейший путь до Мадраса поезд двигался так медленно, как продвигались окружившие его кольцом соотечественники Вивекананды.

В Мадрасе ликование достигло высшей точки. Все улицы и площади Мадраса были украшены, имя Свами Вивекананды было у всех на устах. Тысячи людей столпились на вокзале, и когда Вивекананда ступил на платформу, воздух огласился ликующими криками. На третий день пребывания в Мадрасе Вивекананда выступил на огромном митинге.

В Калькутту Вивекананда отправился морем. Он отплыл 15 февраля. В статье, написанной в Мадрасе, он говорил: «Моя Индия, встань! Где твои живительные силы? — В твоей бессмертной душе! Каждая нация, как и каждый отдельный человек, имеет одну тему в жизни, одну, которая является центром его, ядром его существования, главной нотой, вокруг которой формируются все остальные, образуя гармонию. Если нация теряет эту руководящую идею, если она не следует своему призванию, она умирает. У одной нации руководящей идеей является политическая идея, как, например, у Англии. Идея искусства является главной нотой другой нации. В Индии религиозная жизнь формирует ядро, ключевую ноту всего музыкального строя души. И если мы изменим эту ноту на политическую или социальную, результатом будет деградация. Политические и социальные реформы в нашей стране должны проходить через призму религиозного духа. Каждый человек сам решает свою судьбу, сам делает свой выбор, также — каждая нация. Мы сделали свой выбор ещё в древнее время. Мы решили нашу судьбу. И это — идея бессмертия Души. Эта идея сформировала нашу нацию. И как можем мы изменить свою натуру? Власть Духа бесконечна. Индия — Ганг духовности. Индия одухотворит весь мир. И ещё одна великая идея, которую ждёт мир от нас сегодня, — низшие классы ждут, может быть, больше, чем высшие; необразованные, может быть, сильнее, чем образованные; слабые, может быть, более нетерпеливо, чем сильные, — это идея Единства. Эта идея провозглашает не только братство. Эта идея говорит, что ты — это я; я — это ты; и все мы — Единая Душа, и все мы — Он».

«Что нужно сегодня нашей стране — это железные мускулы и стальные нервы, гигантская воля, которой ничто не может противостоять, любовь к Родине, которая преодолет всё, вычерпает по капле океан и, если нужно, встанет лицом к лицу со смертью. Вот что нужно нам, и это одно поможет нам осуществить идеал Адвайты, идеал Единства во множестве. Верьте, верьте, верьте в себя! Если вы будете верить в триста и три тысячи наших мифологических богов, но не будете верить в себя, не будет никакого спасения для вас. Верьте в себя и воспряньте благодаря этой вере. Почему мы долгие годы влачим существование рабов? Почему нами управляют иностранцы? Потому что они верят в себя, а мы — нет. Не англичане повинны в нашей деградации, а только мы сами».

«Скажите каждому мужчине, скажите каждой женщине, каждому ребёнку, скажите каждому, независимо от касты, класса, национальности, скажите — каждая душа Божественна. И пусть каждый повторяет как молитву: "Я — Великая Бессмертная Душа. Я — Он, я — Он". Призывайте каждую душу. Проснитесь, проснитесь, проснитесь. Пробудитесь от этого гипноза слабости. Никто в действительности не слаб. Душа бесконечно могуча и несокрушима. Вставайте и светите! Бога в душе вашей иного нет, кроме человека!»

«Нам нужна религия, формирующая человека. Нам нужно образование, формирующее человека, нам нужны теории, формирующие человека. Истинно, всё что делает вас слабым — физически, интеллектуально и духовно, — нужно воспринимать как яд. В этом нет жизни, это не может быть истиной. Истина — сила, Истина — чистота, Истина — знание. Истина должна укреплять, очищать, просвещать. Истина должна делать человека свободным. Отбросьте мистицизм, ослабляющий вас, и будьте сильными. Самая Великая Истина — проста, проста как жизнь. Мой план заключается в том, чтобы создать в Индии институт молодых людей, посвятивших себя Истине, чистых, жертвенных, сильных, работающих для Индии. Людей,

преданных ей, людей, деятельно любящих её, — вот в чём нуждается Индия. Сынов — сильных, чистых, верящих, искренних до конца, — вот чего жаждет она. Сотня таких людей способна совершить революцию Духа в Индии. Нет ничего в мире могущественнее чистоты, ни одно препятствие не устоит перед чистотой. Каждый должен пройти к Богу через чистоту и самоотверженность, через служение людям — и нет другого пути. Чистота и воля непобедимы». «Если хотите служить Богу — служите человеку. Какого ещё Бога хотите вы найти? Зачем искать Его далеко, если Он распростёрт вокруг? Оглянитесь, и содрогнётся душа ваша от восторга перед Ним, простёртым в окружающих вас бедных, голодных, обездоленных! Это Он, ваш Бог, смотрит на вас тысячами глаз ваших братьев, это Он, ваш Бог, протягивает руку к вам миллионами натруженных рук ваших соотечественников. Бог во всём; всё, что окружает вас, — Бог. Бог в людях, и в животных, и в каждом трепещущем лепестке, и в каждой дрожащей росинке. И прежде всего для нас Бог — в наших обездоленных соотечественниках».

Эти огненные слова падали на взрыхлённую почву народной души. Душа Индии вибрировала и наполнялась энергией, поднимаясь навстречу призыву Вивекананды. Индия расправляла крылья своей Великой Души и наполнялась возможностями. Рамакришна и Вивекананда были первыми, кто пробудил индийское самосознание. Они были первыми индийскими лидерами в полном смысле этого слова. Рамакришна был духовной силой Индии, Вивекананда — Его голосом. Национально-освободительное движение в Индии началось в Дакшинешваре. Все последующие политические и культурные деятели индийского национально-освободительного движения сознавали миссию Вивекананды, и многие из них с благодарностью приносили ему свои сердца. Многие бенгальские революционеры учились по его книгам, цитировали в своих воззваниях его слова. Платформой деятельности Ганди, по его признанию, были «великие идеалы Вивекананды».

При этом сам Вивекананда никогда не считал себя политиком: «Мне нечего делать с политиками. Я не верю в политику. Бог и Истина — единственная политика в мире. Всё остальное — мерзость». Свами Вивекананда восстал за свободу Индии. Он мечтал о свободе Индии, о её равноправном положении в семье народов мира. Индия, по его мнению, войдёт в мировую систему со своей собственной идеей, которая одухотворит мир, которая пробудит спящий дух народов. Миссия его была одновременно национальной и интернациональной.

Калькутта, город Вивекананды, готовился встретить своего сына. 28 февраля 1897 года поезд подошёл к Калькутте. Встречать Вивекананду вышел президент Беноей Кришна Деб. Тысячи индийцев замерли, когда Вивекананда заговорил.

«Прежде всего, воздадим благодарность Рамакришне, — срывающимся от волнения голосом произнёс Вивекананда. — О Учитель мой, мой Господин, мой Герой, мой Идеал, Господь моей жизни, — Твоё поручение исполнено. И если когда-нибудь что-то истинное было провозглашено мною, — продолжал он с сильным чувством, — если кому-то я помог мыслями, словом или действиями, если из уст моих изошло хоть одно слово, которое помогло хоть одной душе в мире, — это всё не моё, это Учитель действовал через меня, это принадлежит только ему. Всё великое, всё светлое, всё сильное — всё это от него. Всё, что вносило диссонанс, вся слабость, всё нетерпение — всё это моё, всё только от меня. Да, друзья мои, миру ещё предстоит открыть этого человека».

Вскоре после прибытия Вивекананды в Калькутту в Дакшинешваре праздновали день рождения Шри Рамакришны. В сопровождении своих братьев-монахов Свами Вивекананда прибыл в Дакшинешвар. Он в глубоком волнении ступил на эту дорогую для него землю. Когда он переступил порог комнаты Учителя, он едва не потерял сознание от чувств, оглушительным потоком обрушившихся

на него. Вокруг горели огни праздника. Свами со слезами на глазах сказал Гиришу, ученику Рамакришны: «Какая разница между этими днями и теми далёкими, любимыми...»

После того как праздника закончились, он прожил некоторое время один в Дакшинешваре. Он был наедине с Учителем. Близкие старались не нарушать этого единения. В сердце Вивекананды зрела мысль об организации Миссии Рамакришны, о соединении в одну семью молодых, сильных духом людей, которые прежде всего своею собственной жизнью явили бы миру живой идеал Веданты.

Однажды некий молодой человек обратился за помощью к Вивекананде. «Сэр, — сказал молодой человек, — я непрерывно сижу неподвижно в своей комнате с затворённой дверью и с закрытыми глазами в медитации. Я следую всем советам Учителя, но до сих пор я не продвинулся на духовном плане, не обрёл мира в душе. Не могли бы вы мне помочь советом?»

«Мой мальчик, — ответил ему Вивекананда, — если ты послушаешь моего совета, то прежде всего ты откроешь двери своей комнаты и взглянешь вокруг широко открытыми глазами. Ты увидишь своих соотечественников, бедных, невежественных, обездоленных, ожидающих твоей помощи. Ты пойдёшь к ним и будешь служить им, отдавая этому служению весь жар твоей души. Ты дашь пищу голодным, научишь неграмотных, утетишишь обездоленных. И мир придёт в твою душу, я обещаю тебе».

Свами Вивекананда часто говорил, что разные формы духовной дисциплины должны практиковаться в зависимости от нужд времени. В один период была полезна аскетика, другой период нужен для культивирования Любви во всех её формах, третий — развёртывает практику знания. Но в настоящее время нужна самая деятельная йога — нужна работа для многих, нужна «Карма-Йога», которая принесёт огромные результаты. Он устремлял своих учеников на деятельное служение. Он говорил, что после

пребывания в инерции тамаса¹ только через деятельный раджас² можно пройти к чистой синтетической саттве³ и завоевать свободу. Что касается его самого, то он считал, что человек может достичь освобождения лишь служа другим, идя лишь великим актом самопожертвования. На этой почве у него происходили тяжёлые конфликты с братьями. Они не могли принять такую точку зрения, они, привыкшие медитировать в изолированности от мира, они, для которых был только Бог, а мир представлялся майей. Однажды произошёл взрыв. «Для чего вы добиваетесь освобождения, для чего медитируете, если вы не хотите брать в расчёт мир? Какое вы имеете право брать на себя функции учителей? Вы, столь высокомерно и презрительно относящиеся к людям, вы, не желающие спускаться с ваших высот, вы, высокомерные ханжи, что у вас общего с нашим Учителем, который говорил мне: "Ищи единения с Богом с открытыми глазами, это значит — служи людям, служи бедным, служи голодным, служи непросвещённым и помни, что религия не для пустых желудков". Санъязин родился в мир, чтобы раствориться в людях, а не для того, чтобы окаменеть в одиночестве. Отъединение ваше губительно. Нужно знать людей! О, я знаю людей, я знаю не только кем они были в прошлом, я знаю, кем они станут, я вижу иногда всю тьму, которая окружает некоторых из них, и что же? Я должен оттолкнуть их, я должен оттолкнуть Бога, во имя которого борюсь? Какое лицемерие!» «Ты много взял на себя, — возразил один из братьев, — ты в Америке представлял не столько Рамакришну, сколько заставлял слушать себя». «Пусть они сначала поймут меня, — вспыхнув, сказал Свами Вивекананда, — я только мост к Рамакришне». «И всё-таки ты упроцал религиозные идеи!» Вивекананда засмеялся: «Что ты понимаешь

---

¹ Тамас (*санскр.*) — качество тьмы, «загрязнённости» и инертности; также качество невежества.

² Раджас (*санскр.*) — «свойство загрязнённости» и активности.

³ Саттва (*санскр.*) — доброта, чистота.

в религии? О Господи, как прекрасен твой нос! Как сладки твои взоры! И прочая чепуха... Вот твоя религия... И вы ещё надеетесь, что за ваше сидение здесь Шри Рамакришна придёт сюда за вами и за ручку введёт вас в Царство Божие! Вы думаете, вы понимаете Рамакришну лучше меня? Вы думаете, "Джняна" — это сухие веточки на бесплодном сердце? Ваша "Бхакти" — сентиментальная чепуха, которая делает вас импотентами! Вы прикрываете Рамакришной своё нежелание отказаться от экзальтации, которая уже превращается у вас в наркоманию! Руки прочь от Рамакришны! Какая польза от вашего поклонения Рамакришне? Какая польза от вашего "Бхакти" и освобождения? Я согласен ещё и ещё раз обойти тысячи километров, стать пищей этим людям, лишь бы один из них проснулся! Я вечный раб Рамакришны, который отдал себя миру, не думая ни о "Бхакти", ни об освобождении!»

Голос Вивекананды сорвался, его тело сотрясалось, словно от электрического тока, его глаза пылали. Он быстро вышел в другую комнату. Через несколько минут брат-монах зашёл к нему и увидел его в глубокой медитации. Слёзы текли по его щекам из-под его опущенных ресниц. Через час Свами вышел, вымыл лицо холодной водой и присоединился к братьям. Лицо его являло следы шторма, пронёсшегося в душе. Теперь всё существо его излучало мир. Тихо он проговорил: «Когда человек следует "Бхакти-Йоге", его сердце и нервы становятся так тонки, что ему доставляет нестерпимое страдание даже прикосновение цветка. Я больше не могу ни слышать, ни говорить о Рамакришне без того, чтобы существо моё не опрокидывалось в бездну... О, я ещё должен делать Его работу! Я раб Рамакришны, который оставил меня для осуществления Его плана, до тех пор пока я не закончу! О Господи, как же я могу говорить о Нём! О, Его Любовь ко мне!»

И снова впал в экстаз. Братья тихо оставались возле него. Они вспомнили слова Учителя: «Когда Нарен узнает, кто он, он больше не будет жить в теле».

С этого дня братья никогда больше не подвергали сомнению действия Вивекананды, понимая, что Учитель Сам действует через него.

Вивекананда так ослаб, что для того, чтобы жить дальше, он на короткое время отправился в Дарджилинг и пробыл в Гималаях некоторое время, откуда вернулся освежённым и бодрым. Он деятельно и чётко начинает формировать Орден Рамакришны, задачей которого было распространение идей Единства в мире. Миссия Рамакришны имела и заграничное отделение, где ученики Рамакришны с напряжением и самоотверженно продолжали Его работу. Генеральным президентом Миссии стал Вивекананда. По всей Индии начали появляться школы Веданты, отделения Ордена Рамакришны. Лёд тронулся. Индия пробудилась. Весь 1897 год Свами Вивекананда провёл в Северной Индии. Он выступает с лекциями, организует школы, встречается с махараджами, поощряя их открывать центры просвещения и ознакомления индийцев с их древней культурой. Вивекананда собирает Индию вокруг религиозного идеала. Но религия не заключалась для Вивекананды в обрядах и обычаях, религия была для него живым огнём самопожертвования и любви. Он сокрушает обычаи ранних браков, сожжения вдов, он смело очищает живую веру от налипших на неё ракушек предрассудков. Вивекананда провозглашает необходимость единения индуизма и магометанства под звездой философии Адвайты, провозглашающей единство во множественности. С запада идут хорошие вести — западные ученики работают на идею единства. В марте 1897 года начинает свою жизнь Ашрам Адвайты в Майавате в Гималаях. Много западных учеников приехало к этому времени в Индию для работы. Когда приехавшая мисс Мак-Леон, которую Вивекананда очень любил и называл «моя радость Джой», спросила его, чем она может помочь ему, он ответил: «Полюбите Индию». Но самой замечательной его ученицей, его спутницей, духовной дочерью и самым преданным сердцем стала Мар-

гарет Нобль. Она написала ему из Лондона, что решила приехать и посвятить свою жизнь женскому образованию в Индии. 29 июля 1897 года Вивекананда пишет ей: «Разреши мне теперь сказать тебе, что ещё тогда я знал твоё большое будущее, связанное с работой в Индии. То, что нужно сейчас женщинам Индии, — это женщина, настоящая львица, которая отдала бы себя для работы с ними, женщинами Индии. Индия не может сейчас произвести сама собой женщину, в которой она так нуждается. Она должна получить помощь извне, и тогда, с помощью дружеского сердца, она начнёт растить своих женщин. Твоё образование, искренность, чистота, необыкновенная напряжённость любви, отвага и прежде всего твоя кельтская кровь делают именно тебя той самой женщиной, в которой так нуждается сегодня Индия. Но трудностей очень много. Ты даже не можешь представить себе бездны нищеты, и невежества, и рабства, которые ты найдёшь здесь. Ты окажешься в гуще полураздетых нищих — мужчин и женщин, поражённых, как проказой, предрассудками, разобщённых кастовыми преградами, угнетаемых продажными жрецами и презираемых ими. С другой стороны, многое из того, к чему ты привыкла, окажется здесь совершенно безжизненным. К тому же климат очень жаркий. Наша зима напоминает ваше лето, а на юге бывает жара, непереносимая для многих европейцев. Никакого европейского комфорта ты не найдёшь здесь даже в городах. Но если, несмотря на всё это, ты всё-таки захочешь приехать — знай, ты ожидаема, тысячу, миллион раз моё сердце говорит: "Добро пожаловать в Индию", каждым биением своим оно повторяет тебе: "Добро пожаловать в Индию!" Что касается меня, то я здесь немного имею, и то немного, чем я располагаю, буду счастлив предложить тебе, себя самого я предоставляю к твоим услугам. Ты должна очень хорошо подумать, прежде чем решиться на этот шаг. Но что бы ты ни решила — свершишь ли ты свой порыв или останется он порывом и ты откажешься от этой идеи — я обещаю тебе:

я буду стоять возле тебя до самой смерти, будешь ли ты рядом со мной или будешь далеко, будешь ли ты работать в Индии или нет, примешь ли ты Веданту или отвергнешь её совсем. "Слон один раз уходит умирать и никогда уже не возвращается обратно". Так и слово мужчины, раз данное, не отбирается назад, я обещаю тебе это».

Маргарет Нобль прибыла в Индию 28 января 1898 года, чтобы работать вместе с Генриеттой Мюллер в области женского образования. Вивекананда сам представил её, назвав «даром Англии, лучшей жемчужиной Британской короны, которую сегодня Англия приносит в дар Индии». В марте он сам посвятил её обрядом Брахмачарьи — отныне жизнь её стала реализацией в себе Бога. Вивекананда дал ей имя Ниведитта — что значит «Достойнейшая». Под этим именем она снискала обожание и глубокое уважение индийского народа. Церемония посвящения была произведена в замке монастыря. Но до этого Вивекананда увёз Маргарет и один прошёл с ней одно из самых сокровенных посвящений — поклонение Шиве, которое закончилось посещением священного места, где оба они принесли обеты к ногам Будды.

«Теперь иди и следуй ему, который родился, чтобы отдать свою жизнь людям». Вивекананда сопровождал Ниведитту в её поездке к Святой Матери — вдове Рамакришны, которая обняла её со словами: «О, дитя моё, возлюбленное дитя моё!» После обряда посвящения Вивекананда сам повёл Ниведитту по Индии, открывая перед Маргарет душу, сердце, обычаи и природу этой страны. Он раскрывал перед ней историю, фольклор, обычаи, традиции своей Родины. Нелегко было Маргарет сразу принять всё. Так, однажды в одном из храмов она увидела кровь жертвенного животного и в негодовании воскликнула: «Зачем здесь кровь? Кровь перед лицом Господа?» Вивекананда стремительно повернулся к ней: «А почему бы и не допустить немного крови для полноты картины?» Он сокрушал её привычки, её манеры, её воспитание, а более всего — её

гордыню. Отношения между ними становились всё напряжённее. Иногда он обращался с ней почти грубо. Однажды она с усмешкой взглянула на одного фанатичного монаха в храме. Вивекананда перехватил её взгляд и, больно схватив её за руку, прошептал в ярости: «Что делает в храме эта леди? Зачем она здесь?» Он заставлял её носить индийскую одежду, есть индийскую пищу, иметь индийские мысли. Он учил её совершенно отказаться от прошлого, отринуть себя до конца, чтобы принять в своё сознание Индию. Он вёл её через ортодоксальный индуизм, заставляя пройти весь сложный путь, который проходит индийская женщина. Он требовал от неё полного повиновения, он тиранил её, заставляя почувствовать всю полноту его власти над её личностью, всю тяжесть полного самоотречения. Маргарет Нобль изнемогала, это было на пределе её возможностей. Блестящий, исполненный грации и такта Вивекананда, каким он был со всеми, только с ней являл себя грубым деспотом, казалось, лишённым тени милосердия. Он провёз её по всей Индии, он сам преподавал ей курс индийской истории и культуры. Он ни на одну минуту не отпускал её мысли и чувства. Он требовал скрупулёзного соблюдения самого малейшего ритуала. Он был агрессивен и безжалостен. Вся свободная натура Маргарет встала на дыбы. Взрыв между ними становился неизбежным. Вивекананда натянул все нити — он рисковал. Но он спасал и её и себя от страстного обожания, которое сжигало их сердца. Кульминация наступила в Гималаях. Они гостили несколько дней у мисс Мак-Леон. «Атмосфера между ними была так наэлектризована, что было почти невозможно находиться рядом с ними. Это случилось утром. Они говорили тихими голосами, когда я вошла, но что за взгляды они бросали друг на друга! Внезапно Вивекананда схватил её за плечи и побледнел, сжав губы. Мне показалось, что он сейчас ударит её. Я крикнула: "Свамиджи, где ваше милосердие? Где сердце ваше?" Он бросил её и, стремительно повернувшись, вышел. Я бросилась к Маргарет, которая

без сил опустилась в кресло. Она была без сознания. Я, не в силах сдержаться, крикнула вслед удалявшемуся Вивекананде: "Смотрите, что вы сделали с ней. Вы убили её". Он не обернулся. Внезапно Маргарет открыла глаза и мёртвыми, непослушными губами прошептала: "Он не вернётся, он не вернётся больше никогда". Я весь день боялась за её жизнь. Она часто впадала в забытё, что-то шептала, голова её горела, её лихорадило. Я не могла побороть возмущения и прошептала: "Кто мог измерить его суровость?" Она услышала и тихо, но отчетливо сказала: "Кто измерит глубину его нежности?"

Смеркалось, и первые звёзды зажглись на небе, когда он появился на веранде. Вид у него был такой измученный, словно он перенёс тяжелую болезнь. Сердце моё сжалось. Маргарет с тихим рыданием бросилась к его ногам. Он положил ей руку на голову, благословляя её. Голосом, в котором звучала непереносимая нежность, он сказал: "Я был один в лесу, но теперь, теперь я принёс тебе мир". Потом он повернулся: "Смотри, народилась молодая луна. Это хорошо. С этим рождением и мы начнём новую жизнь". Маргарет оставалась коленапреклонённой перед ним, и рука его покоилась на её голове. Никогда в жизни я не имела более глубокого переживания, которое осталось бы во мне так свежо, словно это случилось только что. Я стояла потрясённая, замерев перед лицом развернувшейся передо мной человеческой драмы. На моих глазах совершалось чудо преображения, и мир, исходивший от их гармонично соединённых фигур, наполнял мою душу благоговением и любовью». В этот вечер Вивекананда открыл Ниведитте врата Самадхи. «Я поняла в тот вечер, — писала она позже, — что Великий Учитель должен разрушить у нас всё, до последней крупинки, сокрушить наш эгоизм, наши маленькие "я", чтобы открыть нам доступ в беспредельный океан Милосердия, где всё — Любовь».

Последствием этого путешествия была сильная болезнь Вивекананды, от которой он уже не оправился до самой смерти. Маргарет и Вивекананда закончили путешествие

в Дарджилинге, куда он повёз её. Там, перед лицом снежных вершин Гималаев, он окреп немного; там, по словам Маргарет, «были прожиты сотни жизней, пережиты все оттенки красоты, там была познана полнота Бытия и Беспредельность Милосердия». И там же Вивекананда сказал ей, что дни его сочтены.

Вернувшись, Вивекананда узнал о смерти Гудвина. Со слезами на глазах он воскликнул: «Я лишился своей правой руки». Матери Гудвина он написал: «Всю благодарность, которую я чувствовал к нему, я никогда не мог достаточно выразить. И если когда-нибудь кому-нибудь помогут мои лекции, то тем, что они появились, мы обязаны только ему. Мистер Гудвин сделал огромную работу, отдав ей всего себя без остатка. Я потерял друга, верного, как сталь, ученика, который никогда не унижился уклонением, работника, который не знал утомления, а мир потерял одного из тех драгоценных людей, которые рождаются, чтобы жить для других». Вивекананда написал стихи, посвящённые Гудвину.

Вивекананда предпринял путешествие в Кашмир со своими западными учениками. Он сам передавал им сведения и факты. Так, однажды он сказал, что Чингиз-хан не был вульгарным агрессором; он сравнил монгольского императора с Наполеоном и Александром Македонским, сказав, что все они хотели объединить мир, и что, может быть, это одна и та же душа воплощалась три раза, с надеждой принести единение миру под политическим протекторатом. «В то же время, — сказал он, — на главном пути приходил Единый Дух — Кришна, Будда и Христос, принося миру Единение религиозное».

В Кашмире Вивекананда на некоторое время удалился в полное одиночество.

Вивекананда выразил желание пройти пилигримом в Западные Гималаи, на поклонение Шиве. Он просил, чтобы его сопровождала только Маргарет. Они присоединились к огромной массе пилигримов, со всей Индии отправлявшихся в снежную долину, посвящённую Шиве.

Удивительная перемена произошла с Вивеканандой на глазах у Маргарет. Он превратился в одного из пилигримов, скрупулёзно соблюдающих малейшие детали в ритуале и обрядах. Он ел один раз в день — только ортодоксально приготовленную пищу, удалялся при каждом удобном случае в одиночество и медитирование. Он проходил над пропастью, босой, в изодранной одежде, с окровавленными ногами шёл он в священную долину. Второго августа группа вошла в долину, где в скале была огромная пещера, а в ней — статуя Шивы, покрытая льдом. Свами пришёл в неопишное волнение, он задержался перед входом, пропуская пилигримов. Когда он вошёл, он весь был словно натянутая струна. Его обнажённое тело содрогалось, словно под ударами, а его лицо излучало невыразимое обожание. Он распростёрся в темноте пещеры в ногах этого поблёскивающего льдом изваяния. Песни сотен паломников эхом разносились в пещере. Свами дрожал и вдруг замер. В это мгновение у него было видение Шивы — Его Самого. Никогда и никому не говорил он о деталях этого видения, кроме того, что он знает теперь, что Шива — Бог Бессмертия, а не разрушения, каким принято было всегда его считать. Шок этого видения потряс его нервы. Когда он вышел из грота, Маргарет увидела кровь в его левом глазу; его сердце было потрясено и никогда уже больше не вернулось в нормальное состояние. Много дней он говорил с Маргарет только о Шиве. Он сказал: «Видение было Самого Господа, Самого. Он был ослепителен, он весь сиял нестерпимо. Я никогда в жизни не видел ничего более прекрасного, более вдохновляющего и озаряющего».

Месяц спустя, когда они возвратились, всё существо Вивекананды обратилось к Кали — Божественной Матери, которую Рамакришна называл в упоении «Моя Мать». Уникальный символ Господа — Кали — представляла тотальность Единства. Созидание и разрушение, жизнь и смерть, добро и зло — все пары противоположностей. Она казалась чёрной на расстоянии, чёрной, как вода в оке-

ане, но вблизи она давала лицемерье её бесцветной, будучи единой с Брахманом, созидательную энергию которого она представляла. И действительно, Брахман и Кали, Абсолют и Его Созидательная энергия — идентичны, как огонь и его власть сжигать. Свами Вивекананда внезапно почувствовал Её призывный Зов. Действительно, есть ли разница между процессом созидания и разрушения? Не есть ли одно без другого простая иллюзия сознания? Вивекананда осознал, что Божественная Мать представлена во всём.

Он начал повторять, что иногда ощущает присутствие Матери так, словно Она находится с ним в одной комнате. Он чувствует, говорил он, что «Её руки порой соединены с моими, и Она ведёт меня за руку, словно я снова малое дитя». Его медитации, посвящённые Кали, становились всё более и более интенсивными, и однажды он получил очень яркое переживание. Он сосредоточился на аспекте Реальности и достиг феноменального видения. Содрогнувшись, словно от электрического тока, он получил видение Кали — Видение Единства форм — переживание такой силы, что в темноте он нацарапал на листе бумаги свою знаменитую поэму «Кали — Матерь», после чего он свалился на землю опустошённый...

Героизм для Вивекананды заключался в духовном подвиге. Он снова и снова проходит путь своего Учителя. Он вспоминает, как однажды один молодой человек восхищался Богом, перечисляя все его атрибуты. Когда он дошёл до бесконечной всепрощающей доброты, Рамакришна воскликнул: «Довольно, довольно, я нё хочу больше слушать! Зачем эти диспуты по поводу качеств Бога? Вы говорите, что Бог — бесконечная доброта? Но посмотрите на миллионы обездоленных, нищих, голодных!» Один из учеников сказал: «Следует ли в таком случае считать, что Бог жесток?» «О! — закричал Рамакришна, — кто тебе сказал это? Сложи твои руки и молись: "О Господи! Мы слишком, слишком слабы, чтобы понять Твою природу, Твои деяния. Просвети нас Светом Истины Твоей". Не рассуждай мой мальчик, люби!»

Свами Вивекананда учил поклоняться Богу в героях. Он говорил: «Берите самый высокий идеал для подражания. И помните, истинные поклонники Матери сильны как Адамант и бесстрашны как львы. Нет ничего, чего не мог бы достичь истинно стремящийся. Заставьте Мать услышать вас и знайте, Она — Всесильна, Она — Всевластна, Она может воздвигать героев даже из камней».

30 сентября Свами Вивекананда отправился в Храм Божественной Матери, где оставался один в течение недели. Там он слился с толпой паломников, соблюдая до тонкости все уставы и обряды. Там он получил сильное переживание, почувствовав, что его миссия в мире закончена. Однажды Свами с болью в сердце увидел разрушенный мусульманами храм и очень экспрессивно воскликнул в сердце своём: «Как могли люди допустить это! Как могли они не оказать сопротивления?! Если бы я был тогда здесь, я никогда не позволил бы этого. Я бы положил на пороге мою жизнь, защищая Божественную Мать». И вдруг в нём прозвучал Божественный Глас: «Зачем? Зачем неверующим заходить в Мой Храм и зреть Мои Изображения? Этого ты хочешь? Сначала рушится вера, потом осыпаются стены Храмов. Что тебе? Ты защищаешь Меня или Я защищаю тебя?»

Возвратившись к своим ученикам, он сказал: «Весь мой патриотизм опрокинут. Всё опрокинуто. Теперь есть только Мать. О Мать! Я был очень неправ... Я только маленький ребёнок». Он хотел сказать ещё что-то и не смог. Он только добавил, что духовно он уже больше ничем не связан с миром. Шри Рамакришна задолго до этого сказал, что Нарендранатх будет жить в физическом теле, чтобы сделать работу Матери. Как только эта работа будет закончена, он освободится от своего тела своею собственною волей.

В Шринагаре Свами встретился с учениками. Благословляя их, он сказал: «Только Мать везде». Хотя он оставался с ними, они его почти не видели. Часами он бродил по лесу, сидел на берегу реки...

Маргарет писала: «Невыносимо было смотреть на него. Организм не выдерживал интенсивности жизни его Духа. Огонь разгорался всё ярче и ярче, прожигая физическую оболочку. Оставалось ждать, когда огонь вырвется на свободу, спалив сосуд, его заключающий».

18 октября Свами вернулся в Белур. Братья ужаснулись его бледности и болезненному виду. Он страдал от сильных приступов астмы. Иногда его лицо выглядело уже потерявшим все признаки жизни. И несмотря на это, интенсивность его работы повышалась.

13 ноября 1898 года, в день Рождества Кали, школа для девочек в Калькутте, которую возглавила сестра Ниведитга, была торжественно открыта. В конце церемонии все преклонили колени и воззвали к Рамакришне, чтобы он Сам благословил это первое женское учебное заведение и чтобы молился о девочках, дабы им вырасти идеальными индийскими женщинами. Свами Вивекананда благословил Ниведитту и всех коленопреклонённых девочек. Позже Маргарет писала: «Я не могла тогда даже подумать, как возрастёт Его Благословение, какую огромную силу обретёт оно, какой прочный камень заложил он в образование индийских женщин». Основание школы явилось началом огромного вклада Маргарет Нобль в дело освобождения Индии. Свами дал ей полную свободу. Он сказал, что она может соединить в школе все виды и оттенки религий. «Всё равно основная религия, которая будет наполнять школу, будет религия Любви, религия Твоего Сердца».

9 декабря 1898 года начал официально существовать Орден Рамакришны в Белуре. Вивекананда сказал: «Однажды Рамакришна сказал мне: "Я буду всегда, пока вы будете помнить меня, я буду всегда, пока вы оказываете милосердие хотя бы одной душе в мире, я буду всегда, пока глаза ваши с умилением смотрят на дрожащий зелёный лист, на блестящую поверхность воды, я буду..." И помните, мои мальчики, до тех пор, пока это место будет овеяно чистотой, милосердием, помощью бедным, — Учитель будет присутствовать здесь».

«Это будет центр, где будет изучаться и проводиться в жизнь Великая Гармония всех вер, в лучах примера жизни Шри Рамакришны, и религия во всех её аспектах — Единая, Очищенная, Пламенная — будет сиять. И из этого центра лучами будут расходиться идеи Единства, добра, мира и гармонии — по всему миру, по всему миру». Обратившись к братьям-брахмачарьям, он с большим волнением добавил: «Давайте все вместе, мои братья, вознесём молитвы Господу от всего нашего сердца, от всей души, чтобы Он, Божественное Воплощение, благословил это место освящённым присутствием на века и века и сделал его центром Гармонии всех религий и сект для блага людей, для счастья людей».

Свами находился в экстатическом состоянии — он чувствовал присутствие Учителя, он чувствовал скорое освобождение.

Огромную роль должен сыграть в мире этот Орден. Три Дара должны были формировать здесь работников: Чистота, Знание-Интеллект и Духовность. Вивекананда посетил Ашрам в Майавате в Гималаях. «С тех пор как я увидел Шиву, — сказал он миссис Сэвьер, — Он вошёл в моё существо, Он больше не покидает меня».

Он посетил Калькутту, куда непрерывным потоком потекли к нему люди. Он принимал их с утра до вечера. Он был уже совершенно обессилен. Братья-монахи просили его побереечь себя. Он отвечал: «Они перенесли так много, они пришли ко мне, следовательно, они нуждаются во мне, и неужели я откажу им только во имя того, чтобы сохранить ничтожную крупицу своего здоровья?»

Его голос, тон, каким были сказаны эти слова, были так похожи на Шри Рамакришну, что один из братьев, Премананда, воскликнул: «Вот уже я не вижу никакой разницы между тобой и Рамакришной».

Вивекананда со всей энергией отдаётся медитации, ободряет братьев, показывает им пример. В это время он часто сам готовит для них пищу, сам убирает территорию,

сад. Он напоминает им беречь две основы монашества — чистоту и самоотречение, без чего невозможна никакая духовная жизнь. Он обращает большое внимание на физическую подготовку. Он говорит: «Нужны бойцы религии. Итак, мальчики, накачивайте себе мускулы! Для аскетов истощение может быть терпимо, но для работников необходимо хорошо тренированное тело, мускулы из железа и стальные нервы». Он говорил им, что на ранних ступенях необходимо скрупулёзное соблюдение устава, но по мере развития духовности дисциплина мысли становится ведущей, а активность — необходимым результатом развития религиозного сознания. О себе он говорил: «Никакого отдыха для меня! Я умру в действии. Я люблю действие. Жизнь — борьба, и каждый обязан всегда быть в действии, осуществлять своё призвание в мире. Дайте мне умереть в действии». Он был живым гимном труду.

«И если бы вы по-настоящему поняли, что Бог во всех, во всём, вы бы не смогли жить, не изливаясь ежеминутно в любви на всё, окружающее вас! И это единственная практическая Веданта!»

Он учил их не пренебрегать никакой формой жизни: «Тот, кто знает, как лучше набить трубку гостю, знает, как медитировать. И кто не умеет отлично готовить пищу, никогда не будет хорошим саньязином. Если пища не готовится с полной концентрацией и не согревается теплом сердца, она не может быть питательной и никогда не принесёт никому никакой пользы». В то же время, работа никогда не будет выполнена отлично, если работник привязан к работе. «Только великий монах, — сказал однажды Вивекананда, — может быть великим работником, потому что он не привязан... Не было в мире работников более великих, нежели Будда и Христос. Никогда Они не работали для себя. Их работа была поклонением людям, обожанием людей».

Первым долгом всех, живущих в монастыре, было самоотречение. Как высоко ставил Вивекананда этот атрибут монашеской жизни! «Никогда не забывайте: служение

людям и реализация Бога — вот идеал монашеской жизни. Пусть это станет Природой вашей! Между монахом и его Господом нет посредников! Монах представляет каплю океана Милосердия, монах — представитель Господа в мире. Помните это и идите прямой дорогой самоотречения — олицетворением мира, свободы, благоволения!» Монахам, которые искали личного освобождения, он говорил: «Вы хотите свободы? Отдайте себя на служение другим — это самый короткий путь для достижения освобождения! Убейте в душе желание личного спасения! Это самая великая духовная дисциплина! Работайте, мои мальчики, работайте всем вашим сердцем, со всею вашей душой. Это приведёт вас к освобождению! Шри Рамакришна пришёл в мир, чтобы отдать себя без остатка. Я старался подражать Ему. Вы должны работать. Вся наша работа — это только самое, самое начало. Поверьте мне, кровью нашего сердца мы оросим землю, которая взрастит духовных гигантов, героических сотрудников, воинство Господа, которое осуществит в мире революцию Духа».

«Вы должны соединить в себе интенсивнейший идеализм с интенсивнейшим практицизмом. Вы должны быть готовы погрузиться в глубочайшую концентрацию, и в следующий момент вы должны быть готовы идти и пахать поле. Вы должны быть готовы объяснить самые сокровенные символы и в следующий момент идти на базар и хорошо продать продукты вашего поля. Настоящий человек тот, кто несокрушим и непреклонен в действии и нежен сердцем в любви, как женщина».

Он часто говорил о власти веры. «Мировая история есть история немногих людей, которые имели веру в себя. Эта вера называлась верой в Божественное. Без этой веры вы не сможете сделать ничего. С этой верой вы получаете власть и возможность сделать всё. Как только человек теряет веру в себя, наступает смерть. Поверьте прежде всего в себя, тогда вы поверите в Бога. Сотня верующих людей может перевернуть мир. Мы нуждаемся в сердце мило-

сердном, светлом разуме и сильной армии работников. Милосердное сердце — лучшее вооружение в борьбе. Когда ваш разум спорит с вашим сердцем, полагайтесь всегда на сердце и следуйте его совету».

Вивекананда чувствовал приближение конца. Он говорил: «Дайте мне умереть сражаясь. Два года физических страданий унесли у меня двадцать лет жизни. Ну и что же? Разве душа изменилась? Она осталась прежней. А выше — Сверкающий Атман, и — всё во всём, и Господь Единый».

16 декабря 1898 года Свами Вивекананда сообщил о своих планах поездки на Запад, для того чтобы посмотреть, как идёт работа. Ученики и братья приветствовали эту идею, так как полагали, что путешествие поправит его сильно подорванное здоровье. Он решил взять с собой Ниведитту и Свами Туриананду. Очень сильно продвинутый на духовном плане, Туриананда большую часть жизни провёл в медитации и всегда избегал общественной работы. Боясь, что словами ему не убедить брата сопровождать его в Америку, Вивекананда положил руки на плечи брата и пролепетал испуганно, как ребёнок, боявшийся отказа: «Дорогой брат, неужели ты не видишь, как я стараюсь сделать работу Учителя? Вот я уже приблизился к краю — я уже накануне смерти. Неужели ты будешь смотреть на это и не попытаешься взять на себя часть моей ноши?» Свами Туриананда был сильно взволнован и немедленно согласился сопровождать Вивекананду, как только тот соберётся ехать. Когда он спросил, не взять ли с собой кое-какую литературу Веданты, Вивекананда сказал: «О, у них слишком много руководств и книг! В прошлый раз они видели воина, теперь я хочу показать им брамина».

20 июня 1899 года — дата, назначенная для отъезда из Калькутты. 19 июня ночью была совершена прощальная молитва — братья молились за двух отплывающих Свами, а на следующий день они получили благословение Святой Матери — вдовы Рамакришны.

20 июня пароход отплыл — Коломбо, Аден, Неаполь, Марсель и наконец 31 июля — Лондон. Путешествие с Ви-

веканандой для Туриананды и Ниведитты было настоящей школой. Энциклопедический ум Вивекананды равно эмоционально касался всего: Христос, Будда, Кришна, фольклор, история Индии и Европы, деградация индуизма и заверение о грядущем возрождении, различные философские и религиозные проблемы и много, много других тем было изложено Вивеканандой. Эти беседы впоследствии вошли в прекрасную книгу сестры Ниведитты «Учитель, каким я видела Его».

В порту Вивекананду ожидали его ученики, которые приехали из Америки встретить его. Побыв немного в Лондоне, Вивекананда отплыл в Америку. Море было спокойно, луна полная, звёзды мерцали высоко в небе. Вивекананда прогуливался с Маргарет по палубе и вдруг, повернувшись к ней, прошептал, прижав руку к сердцу и еле сдерживая слёзы: «И если всё это Майя и всё это так прекрасно, подумай о красоте, которая распростёрта за этим прекрасным покрывалом!» В другой раз он сказал: «Зачем писать поэмы? Лучше переживать эту прекрасную поэму Жизни!» Но тут же он написал Ниведитте прекрасную поэму «Мир». В Нью-Йорке ученики и друзья устроили Вивекананде замечательную встречу. Он счастлив был увидеть, как далеко продвинулась работа под руководством Свами Абхедананды. Вивекананда провёл несколько лекций и практических занятий.

Однажды, на одном очень большом собрании в Нью-Йорке, после того как некоторое время Свами Вивекананда необыкновенно экспрессивно говорил, он вдруг умолк. Зал ожидал в напряжении. Вивекананда произнёс несколько формальных слов и покинул зал. Публика была удивлена и разочарована. Друзья спросили его, когда он вернулся домой, почему он прервал лекцию так странно, в то время как обе стороны — и он, и аудитория — были совершенно слитны и едины. Забыл ли он что-то? Потерял мысль? Занервничал? Свами ответил, что во время своего выступления он внезапно почувствовал, что обладает слишком

большой властью. Он заметил, что слушатели так сильно поддались его влиянию, что потеряли свою индивидуальность. Он почувствовал, что аудитория превратилась в мягкую пластичную массу, из которой он может лепить всё что хочет. Это, однако, противоречило философии, которую он проповедовал. Он хотел бы видеть каждого мужчину и каждую женщину свободно и самостоятельно прошедшими своим собственным путём. Он не хотел разрушать индивидуальность ни в одном человеке. Вот отчего он прервал лекцию.

Свами Туриананда начал работать недалеко от Нью-Йорка, обучая маленьких детей фольклору и истории Индии. Он также регулярно вёл курс Веданты в Нью-Йорке. Его работа о санскрите, впервые прочитанная в Кембридже, была блестяще принята гарвардскими профессорами. Свами Вивекананда прочёл большой курс лекций перед огромной аудиторией в Лос-Анджелесе и Пасадене, но, увы, уже не было Гудвина, чтобы застенографировать их, и многие из них утрачены безвозвратно. Только некоторые фрагменты остались нам, записанные его учениками. В университетской церкви в Пасадене он прочёл свою знаменитую лекцию «Христос и Его Миссия». «И это было один только раз, — говорит мисс Мак-Леон, — когда я увидела сияющий нимб над его головой...»

Вивекананда пробыл месяц в Калифорнии, в Лос-Анджелесе, ведя регулярные классы и читая лекции, на которые собирались тысячные аудитории. Он раскрывал различные аспекты Раджа-Йоги, которая вызвала особенно большой интерес. Газеты писали о нём: «В Свами Вивекананде поразительным образом сочетаются эрудиция университетских профессоров с достоинством архиепископа, обаяние блестящего воспитания со свободой и непосредственностью ребёнка. Его удивительные лекции, часто экспромты, имеют влияние электрических разрядов, его облик, порой трагический, порой полный лукавого юмора, поистине несёт на себе отпечаток Божественного Огня, который является предметом его лекций».

Вивекананда прочёл много лекций в Сан-Франциско. Больше всего читалась его «Раджа-Йога». Под влиянием его лекций в Сан-Франциско образовался центр Веданты. Вивекананда получил своеобразный подарок — землю в долине Сан-Антонио, окружённую лесами и лугами, в нескольких милях от обсерватории Гамильтона. Вивекананда немедленно подумал о Свами Туриананде, который смог бы иметь настоящую школу для молодых студентов. За время своей поездки по Америке Вивекананда очень сильно устал. Он останавливался в Чикаго и в Детройте. В Чикаго он гостил у своих друзей Хэлл, и много светлых воспоминаний пережили они вместе. Утром в день его отъезда Мэри Хэлл вошла в его комнату и нашла его очень печальным. Его кровать была не раскрыта, и он признался, что совсем не ложился спать. «О, — сказал он почти шёпотом, — о, как трудно разрывать оковы, в которых толпятся люди!» Он уже знал, что это было последнее свидание с его милыми друзьями.

В Нью-Йорке Вивекананда прочёл курс лекций для профессоров. В это время ему сообщили, что землю — дар — оформили и можно приступать к работе. Вивекананда сказал Туриананде: «Это веление Матери, чтобы ты здесь работал». Свами Туриананда развеселился и ответил с добрым юмором: «Лучше скажи, что это твоё желание. Ты, конечно же, слышал именно в такой форме желание Матери? Как мог ты узнать, что именно эти слова были произнесены Ею?» «Да, брат, — с сильным чувством возразил ему Вивекананда, — да, слова Матери могут быть слышимы так же отчётливо, как мы слышим друг друга. Нужно только очень утончить нервы, чтобы слышать слова Матери». Свами Вивекананда произнёс это с такой силой, что его духовный брат почувствовал, что Сама Божественная Мать говорит его устами. Он ласково поглядел на Вивекананду и согласился, что это сама Мать выбрала место для нового ашрама. Провожая Туриананду, Вивекананда сказал: «Иди, брат, и утверди ашрам в Калифорнии.

Подними там флаг Веданты. С этого времени постарайся разрушить в себе даже память об Индии! Прежде всего иди в жизнь, а Мать позаботится об остальном».

Вивекананда посетил Детройт, где оставался неделю, и 20 июля отплыл в Париж. Нужно сказать, что вторая поездка на Запад стоила Свами Вивекананде невероятно-го напряжения всех его сил. В декабре 1899 года он писал Маргарет: «Есть люди, которые избирают этот путь — любить до невыносимого страдания. Я не могу любить, не разбивая своего сердца, таким я рождён. Я знаю таких. Есть люди, которых даже самое величайшее счастье заставляет страдать, — мы ведь знаем это, не правда ли?»

Начались первые срывы и разочарования. В Лос-Анджелесе Вивекананду постигло известие о тяжёлой болезни его духовного брата Нараньяна, которое он очень тяжело пережил. Один из его лондонских учеников, мистер Старди, покинул его, так как до него дошли слухи, что Учитель не ведёт на Западе жизнь аскета, держит всё время при себе Маргарет Нобль. Генриетта Мюллер отошла от Вивекананды по причине его слабости и болезни. Она не могла никак совместить слабость, которая в этот период объяла Вивекананду, с его бывшей властностью.

Но дело было уже сделано — миссия выполнена, и Свами Вивекананда пишет 17 января 1900 года миссис Болл, что он мечтает поселиться на берегу Ганга и провести остаток жизни со своей матерью: «Она столько страдала из-за меня. Я должен попытаться сделать её последние дни покойными и счастливыми для неё. Знаете ли вы, что великий Шанкарачарья сделал именно так. Он вернулся к матери в последние дни её жизни. Я поддерживаю это. Я хотел бы сделать то же самое». В том же письме он пишет: «Я теперь только ребёнок и больше ничего, и больше ничего... Какую работу я могу теперь делать? Свою власть я уже передал другим. Я вижу это. Я не могу больше говорить ни о каких платформах... Не говорите об этом никому, не говорите даже Джай. Я рад. Я хочу отдыха. Нет,

не то чтобы я устал, но грядущая стадия жизни будет чудесное прикосновение, без слов, как у Рамакришны. И власть, и слово переданы мною моим мальчикам, мальчикам и Марго».

7 апреля 1900 года он писал: «Моё судно прибывает в свою гавань. Слава, слава Матери! У меня уже нет никаких желаний, никакой амбиции; благословлённый Матерью, я только слуга Рамакришны, я только Его эхо... Ничего больше, ничего больше...»

12 апреля он писал: «Моя работа закончена. Я заплатил за неё своим здоровьем. Я рад. Мой разум просветлел, когда здоровье совсем оставило меня. Покой и тишина окутывают меня, их я не знал в жизни. Я знаю теперь слишком хорошо, что значит быть привязанным и что значит не быть привязанным. Я начинаю ощущать, что значит власть Высшего Я. Мать сделала свою работу через меня. Я уже больше не знаю, что такое страдание. Ведь монах такого типа, как я, умирал в жизни тысячу раз в одну минуту. Слава Матери! Для меня жизнь была осуществлением Её задания. Всё приходит к концу... Я счастлив в мире с собой, и наконец более чем когда-либо я саньязин, которым, впрочем, оставался всю свою жизнь. Любовь во мне разгорается с каждым днём, она уже не удерживается в оболочке, она рвётся к Матери... Воспоминание о долгих ночах бодрствования с Рамакришной под большим баньяном в Дакшинешваре... молниеносное перенесение сознания... моё пробуждение, однажды подаренное Им мне... А работа? Что — работа? Какая работа? Я свободен, я ребёнок Матери. Она работает, Она играет. Что могу я планировать? Почему я должен строить планы? Всё происходит так, как Она хочет... Она работает, Она играет без учёта моих планов. Я — Её орудие, я — Её поклонник, я — Её работник...»

25 марта 1900 года он писал Мэри Хэлл, которую называл «нежнейшей нотой в моей суровой жизни»: «Я преодолел страдания, приняв их в своё сердце. Я счастлив теперь, я не то чтобы стал оптимистом, но я уже оставил все

страдания за собой. Я на земле Грёзы, жизнь наша — Грёза, нет ни радости, ни печали — есть великая Грёза. Моё прошлогоднее путешествие в долину Смерти довершило дело. Теперь я переполнен миром и молчанием. Я начинаю видеть вещи такими, какие они есть. Я начинаю заучивать урок. Есть один великий урок — его следует заучить. Всё вокруг — Он, и не нужно спрашивать, не нужно терзать себя — всё Он. Великий урок, который я выучил, заключается в том, что я свободен. Я — свободен, свободен навсегда. Это Ведантизм. Я так долго занимался теорией, но теперь — о радость! Мэри, моя дорогая сестра, я свободен, я это чувствую с каждым днём всё острее и острее. Да, я свободен. Одинок, одинок. Я один, без другого».

Глаза Вивекананды уже видели свет иного мира, его Истинного Отечества. 18 апреля 1900 года он пишет своей всегда лояльной Радости — Джой: «Битва закончена. Я готов. Шива, о Шива, перейдём на другой берег! После всего, дорогая Джой, я всего только мальчик, в изумлении и с обожанием внимающий словам моего Учителя Рамакришны под баньяновым деревом в Дакшинешваре. И я снова слышу Его голос, знакомый старый голос, заставляющий содрогаться мою душу. Оковы разорваны. Любовь освобождена, работа закончена. Чары остались за пределами жизни. Теперь — только голос Учителя, Его зов — я иду, Господь мой, я иду. Пусть смерть будет поправа Смертью. Я иду, Возлюбленный мой, я иду! Да, я иду, Нирвана предо мною. Порой я слышу шум Океана, Океана Мира, Океана Милосердия! Я счастлив, что родился, счастлив, что так сильно страдал, счастлив навсегда, без того чтоб когда-нибудь возвратиться. Путеводитель, Гуру, Предводитель, Учитель прошёл вперёд. Мальчик, студент, слуга — идёт по его стопам. Я не могу больше участвовать в общественной жизни. Я не могу больше поднимать свой голос. Кто я, Джой, чтобы делать это? Я слишком долго вёл работу в мире. Вы знаете это. Тысячу раз спасибо вам и мисс Болл за всё, что вы сделали для меня в прошлом. Да благословит вас Господь.

В работе моей была амбиция, в любви моей был эгоизм, за моей чистотой стояла гордыня, за моим водительством — вкус власти. Теперь всё сметено. Я иду, Мать, я иду. О, какой покой, покой. Я иду, Господь мой, я иду. О Джой, моё благословение вам. Всё хорошо, Джой, всё прекрасно! Да пребудет с вами радость, Джой, радость моя!»

Вивекананда посетил Париж. Там он часто посещал христианские службы и однажды сказал, что ритуалы христианства и индуизма имеют очень много внутреннего сходства.

Из Парижа Маргарет Нобль должна была поехать в Лондон, чтобы провести там работу, связанную с её деятельностью в Индии. Вечером, прощаясь с ней и благословляя её, Вивекананда сказал: «У магометан есть одна секта. Когда в ней рождается ребёнок, то старшие благословляют его так: "Если Бог создал тебя — пропади, если Аллах — живи!" То, что они говорят детям, я хочу сказать тебе, но только — наоборот: "Иди в гущу мира и там, если это я создал тебя, — разрушься, если же Мать — живи!"»

Возможно, Свами вспомнил тех западных учеников, которые не имели глубины и самоотверженности, потребовавшихся от них при общении с Вивеканандой.

24 октября 1900 года Свами Вивекананда покинул Париж и направился в Вену. Через Венгрию, Сербию, Румынию и Болгарию он прибыл в Афины. Из Афин он отплыл в Египет, где с восторгом посетил Каирский музей. В Каире Вивекананда узнал, что с мистером Сэвьером случилось несчастье. Он немедленно сел на корабль, отплывающий в Индию.

Какое же впечатление произвела его вторая поездка на Запад? Первый раз он был восхищён размахом технической революции, развитием демократии, хорошей организацией производства. Но теперь он потерял многие иллюзии. В невероятной борьбе американцев за превосходство и власть он ясно увидел власть маммоны. Он видел, что коммерческий дух подавляет нацию, лишает её духовных

ценностей. Это была тирания. Горстка людей во имя своего возвеличения не останавливалась ни перед чем. Он мог восхищаться организацией, но что хорошего в «организованной волчьей стае?» — сказал он ученикам. Он также отметил духовный упадок Америки. Он признался мисс Мак-Леон, что Америка не сможет быть мостом, которому суждено соединить Запад и Восток. Гнетущее впечатление произвела на Вивекананду и Европа: «Европа — просто большой военный лагерь». Еще в 1895 году он сказал Кристине: «Европа находится на кратере вулкана. Если духовный огонь не уравнивает огонь чёрный — это будет катастрофа. Следующий сдвиг, — говорил Вивекананда, — придёт из России или из Китая. Я не могу сказать оцределённо, откуда точно, но это будет одна из названных стран». И ещё добавил: «Сейчас мир находится под властью вайшьев. Это третья стадия. Четвёртая будет под властью шудр».

Свами Вивекананда прибыл в Бомбей и немедленно отправился в Калькутту. В Белур-Матх приехал поздно вечером 9 декабря 1900 года, никого не предупредив о своём приезде. В монастыре колокол позвал к вечерней трапезе. Свами Вивекананда присоединился к братьям-монахам. Все были чрезвычайно обрадованы этим неожиданным возвращением. В монастыре Вивекананде рассказали о последних днях мистера Сэвъера в Майавате в Гималаях. Эту печальную весть он получил в Египте. Вивекананда был очень опечален и 11 декабря написал мисс Мак-Леон: «Два великих англичанина отдали свои жизни за нас. Это заставляет меня любить дорогую Англию и её героический порыв. Мать орошает землю просыпающейсея Индии кровью самых лучших англичан. Слава Матери!»

Вивекананда пробыл в монастыре 18 дней и отправился в Майавату в Гималаи. Он не захотел ждать и устроить своё путешествие. Он доехал до последней станции в сопровождении Шивананды и Садаананды. В этом году зима в Гималаях стояла очень суровая. Из-за заносов ему пришлось

с великим трудом преодолевать путь. Однако 3 января 1901 года он достиг цели. Встреча с миссис Сэвьер была очень волнующей. Вивекананда был потрясён прекрасным расположением монастыря и огромными успехами в работе. Из-за суровой погоды Вивекананда большую часть времени проводил дома. Для населения монастыря наступило время удивительных бесед с Вивеканандой. Беседы были очень глубокие. Он много говорил о Законе самоотверженности — как основном духовном законе, часто вспоминая мистера Сэвьера, его сердце, вспыхнувшее и сгоревшее на жертвенном огне любви. Он говорил о великом Законе терпимости как о духовном законе — терпимости прежде всего религиозной. Он говорил о качествах, которыми должен обладать руководитель. Это, прежде всего, полная самоотдача. В Майавате у него начались приступы астмы. Несмотря на это, он продолжал работать. Он написал там несколько статей. Однажды, когда его тело содрогалось от кашля, он воскликнул с нетерпением: «Это тело больше не годится совсем, совсем».

В последний год жизни Вивекананда не отходил уже от Учителя ни на минуту. Вернувшись в монастырь в Беллур, он начал деятельно готовиться к проведению праздника, посвящённого Рамакришне и Божественной Матери. Истинная природа Вивекананды была «Бхакти» — поклонник Бога-Любви, хотя ему пришлось всю жизнь заниматься философией. Для реализации Бога, по индуизму, необходимо достичь недуалистического познания Бога. Дуализм есть лишь стадия на пути к недуализму. Только путём недуализма, считал Вивекананда, можно прийти к гармонии всех персональных Богов. Без прочной основы недуалистического Абсолюта дуализм порождает фанатизм, сектантство и очень опасную эмоциональность. И в Индии, и на Западе он видел достаточно карикатуры на религию. Именно для недуалистического мировоззрения создал Вивекананда Ашрам в Майавате, где сами Гималаи, их величие, их снежные вершины помогали прямо сливаться с Абсолютом. Вивекананда верил, что в будущем все

религии получают новую ориентацию от недуалистических религий, и это принесёт гармонию и новую ступень отношений между людьми. В Майавате Вивекананда узнал о кончине Гаджи Кшетри, его близкого ученика, помогшего ему деньгами для первой поездки на Запад.

18 января Вивекананда покинул Майавату и пешком последовал в трудный путь. Много пережил он, пока спустился с гор в долину. 24 января он достиг Белура. Находясь в монастыре Рамакришны, он получил приглашение совершить поездку по Бенгалии. Вивекананда согласился, но до этого отправился в паломничество по святым местам, сопровождая свою мать, которая, подобно многим индийским вдовам, совершала паломничество.

«Я всегда приносил семье только беспокойство и нищету, — писал Вивекананда мисс Болл, — и я постараюсь теперь хоть немного скрасить последние дни моей матери».

18 марта паломники достигли Дакку. Вивекананда невыносимо страдал от приступов астмы. Разыгрался диабет. Однажды, когда приступ стал нестерпимым, Вивекананда воскликнул, задыхаясь: «Ну и что же, я дал им, по крайней мере, на пятьсот лет работы». Он не имел ни секунды отдыха. Люди терзали его день и ночь. В Дакке он прочёл несколько лекций.

Вивекананда вернулся в начале мая. Он сокрушал фанатизм своих учеников. Одному молодому человеку в Дакке он сказал: «Мой мальчик, послушайся моего совета — укрепи свои мускулы и свои мозги при помощи хорошей пищи. И следи за собой — без хорошего физического аппарата трудно достичь больших успехов в духовной жизни». В другой раз на очень многолюдном митинге в Бенгалии он сказал молодым студентам, изнурявшим себя аскетикой и очень слабым физически: «Вы скорее приблизитесь к Богу через футбол, нежели через Бхагават-Гиту, мои мальчики».

Братья и ученики были очень обеспокоены здоровьем Вивекананды, которое становилось с каждым днём всё хуже и хуже. Он выглядел совсем обессиленным — трудно было представить себе, что этот совершенно истощённый

человек — тот самый мощный, ослепительный Нарен с грациозной походкой «большой кошки».

Братья настояли, чтобы он пожил безвыездно в монастыре. Он любил свою комнату, выходящую на восход солнца. Четыре окна было в этой комнате, зеркало, шкаф для вещей, в углу стояла железная кровать с матрасом, подаренная одной из западных учениц, но Свами чаще пользовался ковриком и циновкой. Письменный стол с бумагами, вазой с цветами и фотографией Рамакришны и маленький чайный столик довершали убранство комнаты. Здесь Вивекананда работал, принимал посетителей, здесь медитировал и здесь ушёл в последнее Самадхи, из которого больше не вернулся в земное сознание.

19 декабря он написал в Америку: «Я был всего только странником, прошёл по миру — шумный Париж, Нью-Йорк, разноцветный Константинополь — всё где-то далеко, а здесь, из окна моей комнаты, я вижу моё родное небо и воды Ганга, убаюкивающие меня. Как тихо, как покойно. О Мой Учитель, о Его Любовь ко мне».

Рядом с Вивеканандой жили его животные: собака Багха, антилопа, павлин, козлёнок Матру. Животные обожали его. Они спали в его комнате, он разговаривал с ними. Он был настоящий пастух своего маленького стада. Когда козлёнок умер, Свами рыдал как ребёнок: «Странно, — говорил он, — мне казалось, что я уйду раньше».

Вивекананда любил сам готовить пищу для братьев-монахов. Часто вечерами он сидел с ними в саду и как когда-то, на заре их жизни, пел гимны Матери. По мере того как силы покидали его тело, просветление возрастало. Иногда взор его становился взором откуда-то извне — в это время лицо его выражало такое изнеможение, что на него больно было смотреть. Однажды он сказал: «Одна вещь приносит утешение — это то, что жизнь наша не продолжается до бесконечности». Его болезнь не прервала его работы. Как-то, когда его попросили сделать перерыв, он сказал: «Но Мать не даёт мне перерыва. Я должен работать,

работать и работать, и когда Она разрешит, только тогда я прервусь». И он рассказал, как однажды Рамакришна, погрузив его в глубокое Самадхи, передал ему свою духовную силу для работы.

В течение последней четверти 1901 года Свами Вивекананда готовил праздник Матери-Кали. В феврале 1902 года, в день рождения Рамакришны, в Белур-Матхе был большой праздник. Но сам Вивекананда наблюдал его из окна своей комнаты — ноги отказали, он не мог сделать ни шагу. Когда к нему пришли за благословением, он сказал: «Благословенны вы, те, кому выпало счастье видеть Рамакришну, благословенны вы, кто пришёл сюда к нему на свидание. Все, кто приходит сюда, оказываются рядом с ним. Благословенны все, приходящие сюда, и все, кто придут сюда в будущем. Все, все поймут со временем, кем был Рамакришна».

Но следует заметить, что в монастыре, включая диету и одежду, порядки были очень лояльные, это вызывало недовольство окружающих. «Это хорошо, — говорил Вивекананда, — это закон природы. Никогда ни один основатель религии не проходил иным путём. Без сопротивления новые идеи не могут обрести жизни».

В конце 1901 года два буддиста из Японии приехали к Вивекананде, чтобы пригласить его в Японию на Конгресс Религий. Один из них был великий художник и критик Оканура. Свами Вивекананда не смог поехать в Японию, но время, проведённое с японцами, было для Вивекананды радостным — «Мы два брата, которые встретились вновь после долгой разлуки, пришедшие с двух разных концов».

В это же время Вивекананда провозгласил свою мысль о тесной связи монашества и целомудренной супружеской жизни, основанной на верности. Он говорил: «По моему мнению, нация должна воспитать в себе идеал целомудренного верного супружества, прежде чем думать о монашестве. Христианство очень близко к индуизму в определении супружества как величайшего таинства и святыни.

Магометанство не дошло ещё до такой высоты идеала, поэтому у них нет и высокой идеи брахмачарья. У японцев тоже есть это таинство — священное отношение к браку. Если вы поймёте истинную природу брака, основанием которого может быть только любовь, любовь обожающая, любовь, граничащая со смертью, вы тотчас подойдёте к идее монашества». Вивекананда утверждал, что три воплощения в идеальном браке, основанном на свободе выбора и на любви, делают человека идеальным брахмачарья.

Оканура пригласил Вивекананду посетить вместе с ним Бодх-Гайю, где Будда получил просветление. Свами согласился. Они приехали в Бодх-Гайю в последний день рождения Вивекананды на земле. Буддийские монахи оказали Вивекананде великие почести. Вернувшись, Вивекананда был уже пригвождён к постели. Он почти не мог спать, есть. Двадцать один день он не пил совсем. «Тело всего лишь наше орудие, и оно должно повиноваться приказу духа. Я несколько не испытываю жажды. Я сказал себе, что вода для меня больше не существует, — и она перестала существовать для меня. Я вижу — я могу всё».

Все последние мысли Вивекананды были о возрождении Индии. «Мой метод — созидание, не разрушение. Но где видели вы завоевание свободы без крови? Вы хорошие ребята, вы научились медитировать, но не только медитацией придётся завоёвывать свободу Индии, но и крепкими мускулами и железной рукой. Будьте сильными, мои мальчики; после всех моих опытов — всё во всём. Всё в мире — манифестация Его Воли. И нет другого Бога, и нет иного пути служения Богу, как только служение людям».

Один из светских учеников его однажды подчеркнул большие трудности, связанные с установлением союза и гармонии между различными сектами в Индии. Вивекананда заметил возбуждённо: «Не приходите больше сюда, если вы находите даваемые задания слишком трудными. Благодаря Благословиению Господа всё становится легко выполнимым. Ваш долг — служить бедным и страдающим

без различия каст и верований. Что за дело вам рассуждать о плодах ваших действий. Ваш долг идти и работать, и всё образуется как надо, вовремя и сделается само. Мой метод работы — созидать, а не разрушать существующее... Вы все образованные ребята, признающие себя моими учениками, скажите мне, что вы сделали? Можете ли вы отдать одну жизнь для спасения ближних? Оставьте чтение Веданты, и практику медитации, и удовольствие быть совершенными до следующей жизни! Идите и отдайте себя на служение ближним, иначе бесполезно приходить сюда, ко мне».

Немного позже он сказал: «После стольких духовных упражнений, суровости и аскетики я знаю, что высшая правда вот в чём: Он представлен во всём сущем. Всё есть манифестация Его форм. И нечего искать другого Бога. И только тот единственно поклоняется Богу, кто служит всему сущему».

В этом увещании — основа миссии Вивекананды во всей своей жизненности. Эти слова равно относятся к Индии и Западному миру. Запад тоже имеет своих отверженных. Тот, кто эксплуатирует другого прямо или косвенно, попирает Бога и заплатит за это рано или поздно. Все люди — сыновья одного и того же Бога, все рождены одним Богом. Тот, кто хочет служить Богу, должен служить человеку, и в первую очередь — бедным, слабым, угнетённым. И только опрокинув барьеры между человеком и человеком, можно войти в царство небесное.

Однажды он сидел под манговым деревом в монастырском саду. Монахи и брахмачарьи вокруг него были заняты своей работой. Вдруг глаза Свами Вивекананды стали непереносимо лучистыми. Словно выходя из тока эмоций, он сказал ученикам: «Куда пойдёте вы, чтобы найти Брахмана? Он распростёрт во всём бытии. Здесь, здесь видимый Брахман! Какое заблуждение — перед лицом Брахмана отворачивать ум на другие вещи. Здесь — осязаемый, видимый Брахман, перед вами, реальный, осязаемый, как плод в ваших руках!» Эти слова ударили всех, кто был

рядом, словно электрическим током. Вивекананда погрузился в транс. Все почувствовали невообразимый мир. Наконец Свами сказал Премананде: «Теперь иди на Богослужение».

Братья пытались оградить его от посетителей, но он был неистощим: «Посмотрите, — однажды сказал он, — что хорошего в этом теле? Оставьте его служить людям. Разве наш Учитель не служил до самого конца? И разве не должен я делать то же? Вы не представляете, как я бываю счастлив, когда могу отдавать. За то, чтобы пробудить Атмана в чьей-либо душе, я был бы счастлив умереть снова и снова».

До самого конца Свами оставался руководителем монастыря, вникая во все детали повседневной жизни, не смотря на свои мучительные страдания. За три месяца до смерти он ввёл правило, чтобы в 4 часа утра ручной колокольчик переходил из комнаты в комнату, пробуждая монахов. Через полчаса все должны собраться для медитации. Но сам он был всегда раньше всех. Он вставал в три часа и шёл в храм, где, садясь лицом к северу, медитировал около двух часов. Ни один не мог кончить раньше его. Когда он вставал, он восклицал: «Шива, Шива!» Естественно, его присутствие в храме создавало атмосферу, насыщенную духовностью. Свами Брахмананда говорил: «Каждый немедленно оказывался поглощённым, когда он медитировал рядом с Нареном! Я никогда не испытывал ничего подобного, когда медитировал один».

Вивекананда не выпускал из своего поля зрения и западных учеников. Мисс Мак-Леон он писал 14 июня 1901 года: «Итак, Джой, крепись духом. Слава и честь ожидают тебя, и свобода. Естественный путь для женщины был брак — подняться, ведомой мужчиной. Но эти дни прошли. Ты можешь подняться без представительства какого-либо мужчины, своими собственными силами, тем, что ты есть — чистая, дорогая Джой — наша Джой, постоянная Джой. Мы достаточно повидали в этой жизни, мы

не прятались от её кипения, не правда ли, Джой! Это был приказ Матери, чтобы мы работали вместе, это всегда было для пользы многих. Это должно быть для пользы ещё больших. Пусть так и будет. Мать Сама указала путь».

Мэри Хэлл он написал 27 августа 1901 года с его обычным остроумием: «Я хотел бы, чтобы здоровье моё было подобно твоему пожеланию, хотя бы для того, чтобы иметь возможность написать тебе длинное письмо. Оно ухудшается, в действительности, с каждым днём, и столько осложнений из-за этого. Я желаю тебе огромной радости в твоей чудесной швейцарской деревне — отличного здоровья, хорошего аппетита и света вокруг. Я так рад, что ты дышишь свежим горным воздухом, но жаль, что Сэм не совсем здоров. Но не надо отчаиваться по этому поводу, у него крепкая здоровая натура.

"Женское настроение и мужская удача — в этом даже Боги не вольны". Мои инстинкты, может быть, очень женские, но что я постиг сейчас, это то, что ты становишься немного индивидуалисткой. О Мэри, твой рассудок, здоровье, красота — всё зачахнет из-за этого недостатка, одного этого чувства — утверждения индивидуализма. Твоя надменность, дух и т.д. — всё это нонсенс, одна насмешка. Ты, в лучшем случае, пансионная девочка. Нет твёрдости, нет твёрдости! Увы! Эта пожизненная несамостоятельность в делах, — это очень грубо, очень жестоко, но я не могу по-другому. Я люблю тебя, Мэри, искренне, очень неподдельно, я не могу обманывать тебя сахарными леденцами, этого не будет. К тому же я — умирающий человек, у меня нет времени на уговаривание. Пробудись, девочка! Я жду теперь от тебя писем с верным общественным настроением. Ответь мне прямо и искренне — я нуждаюсь в твоём пробуждении. Я чувствую себя невольным отдыхающим. Я недостаточно внимательно слежу за движением. Но движение становится всё шире, и невозможно одному человеку знать всё досконально. Я ничего не делаю кроме того, что пытаюсь есть и спать и ухаживать за телом в послед-

ние дни его жизни. До свидания, дорогая Мэри. Надеюсь, мы снова встретимся в этой жизни, но, встретимся мы или нет, я всегда останусь твоим любящим братом. Вивекананда».

Своей любимой ученице Ниведитте он написал 12 февраля 1902 года: «Пусть вся власть перейдёт к тебе! Пусть Мать Сама будет твоими руками, твоим разумом. Это безмерная власть, неотразимая власть, — об этом я молю для тебя и, если возможно, вместе с совершенным миром...» «Если была какая-нибудь правда в Шри Рамакришне, пусть Он руководит тобой, как Он руководил мной, нет, в тысячу раз больше!»

И снова он пишет мисс Мак-Леон: «Я даже не могу представить себе, как заплачу необъятный долг благодарности, которую питаю к тебе. Всё время, пока ты была, ты никогда не забывала о моём благополучии. И кроме того, ты — единственная, кто терпел все мои горести, все мои жестокие взрывы».

Солнце, окутанное золотым излучением, опускалось за горизонт. Два последних месяца жизни Свами на земле были полны ровным движением к приближающемуся концу. Но не многие понимали, что конец так близок. Вскоре после своего возвращения из Варанаси Свами очень пожелал видеть своих монашествующих учеников и написал им, чтобы они приехали в Белур-Матх, хотя бы на короткое время.

«Многие из его учеников из отдалённых частей света, — пишет сестра Ниведитта, — собрались вокруг Свами. И по тому, как он выглядел, наверное, не было такого, кто бы не понимал, как скоро наступит конец».

Всё больше и больше Свами видел себя свободным от обязанностей, передавая работу в другие руки. «Как часто, — говорил он, — человек мешает развитию своих учеников, оставаясь постоянно с ними! Когда ученики уже тренированы, существенно, чтобы их лидер покинул их, потому что без его отсутствия они не смогут развиваться»

самостоятельно. Растения всегда остаются маленькими под большим деревом».

Его близкие и дорогие — все думали, что он непременно проживёт ещё три-четыре года. Всё чаще он отказывался высказывать своё мнение по ежедневным вопросам: «Я уже в пути». В другом случае он сказал: «Вы правы, но я не могу больше входить в эти дела. Я погружаюсь в Смерть».

15 мая 1902 года он написал мисс Мак-Леон, может быть, в последний раз: «Великая идея Тишины приходит ко мне. Я возвращаюсь к лучшему, нет больше работы для меня в этом мире. Если возможно, я обращусь к моему началу. Все благословения да пребудут с тобой, Джой, ты была добрым ангелом для меня».

Но трудно было для него оставить то, что было ему дороже жизни, — работу. В последнее воскресенье перед концом он сказал одному из своих учеников: «Ты знаешь, что работа всегда была моим слабым пунктом. Когда я думаю, что это должно кончиться, я испытываю чувство незавершённости». Он легко отходил от слабости и привязанности, но работа ещё оставалась властным и могучим двигателем внутри него. Шри Рамакришна и Божественная Мать занимали его сознание. Он действовал так, словно он был ребёнком Матери или мальчиком, играющим у ног Шри Рамакришны в Дакшинешваре. Он говорил: «Я погрузился в великий Тамас и медитацию и привёл себя в готовность умереть». Его ученики и духовные братья страдали, видя его созерцательное состояние. Они вспоминали слова Шри Рамакришны, что Нарен, после того как его миссия будет завершена, испытает полноту Самадхи и откажется жить в своём физическом теле, если он поймёт, кто он есть. Брат монах спросил его однажды недвусмысленно: «Ты знаешь теперь, кто ты?» Ответ был неожиданный: «Да, я знаю теперь», — и молчание воцарилось среди всех присутствующих. Ни одного вопроса не было больше задано. Все вспомнили историю с Нирвикальпа-самадхи у Нарена в юности

и как, когда он вышел из него, Шри Рамакришна сказал: «Ну вот, Мать показала тебе всё. Но реализация, как драгоценная жемчужина в шкатулке, будет закрыта от тебя. Я буду хранить ключ у себя. Только после того как ты до конца исполнишь свою миссию на земле, шкатулка будет открыта и ты узнаешь всё, что тебе надлежит знать». Они также вспомнили, что после посещения Амарнатха летом 1898 года он получил благословение Шивы — что он не умрёт до тех пор, пока сам не сделает это. Он смотрел в лицо смерти без страха от её близости. Однажды, за неделю до смерти, он попросил принести ему Бенгальский Альманах. Он внимательно просмотрел его. Когда пришло время, братья монахи вспомнили, что Рамакришна тоже перед смертью консультировал Альманах. За три дня до Махасамадхи Вивекананда показал место в монастырском саду, где он хотел бы, чтобы тело его было предано сожжению.

В среду Свами как бы окреп, выполняя ортодоксальные правила: это был одиннадцатый день луны. Сестра Ниведитта приехала в монастырь, чтобы решить с ним несколько вопросов, касающихся её школы, но это его уже не интересовало, и он поручил это другому Свами. Он настоял, однако, на том, что сам приготовил и кормил Ниведитту завтраком. Вот её слова: «Каждое блюдо, которое было предложено, — овощи, запечённые фрукты, варёный картофель, рис и свежее молоко — сопровождалось весёлыми моментами, и когда наконец завтрак закончился, он сам полил мне воду на руки и вымыл их с мылом. "Это я должна сделать для тебя, Сваמידжи, а не ты для меня!" — естественно запротестовала я. Но его ответ заставил затрепетать: "Иисус вымыл ноги своим ученикам". Все были в шоке от его ответа. "Но это было перед концом", — готовы были прошептать губы, но слова замерли в сердце. Это так и было. Для него тоже конец наступил». Не было ничего печального или особенного в этих последних днях. Его старались не утомлять. Разговоры были полны Света. Обитатели монастыря никогда не чувствовали так сильно,

как теперь, что они находятся перед лицом совершенного Света, но никто не был готов принять конец так скоро. Всю пятницу 4 июля он казался таким сильным и здоровым, каким он был в прежние далёкие годы.

В эту пятницу он встал очень рано. Уйдя в Храм один, он закрыл окна и запер двери, изменив обычным своим привычкам, и медитировал три часа. Спускаясь по лестнице Храма, он пел прекрасную песнь о Кали:

Что, действительно моя Мать — чёрная?

Она только видится таковой,

Свет лотоса Сердца — Она.

Люди называют Её чёрной,

но я не верю, что Она такая.

*Она — то белая, то красная, то синяя, то появляется
как золото Она.*

«Об этом я размышлял всю свою жизнь, я твёрдо знаю, кто Она, Она — Пуруша и Праkritи, а иногда Она кажется нереальной... Медитируя на всех этих вещах, бедный разум опрокидывается...»

Потом он прошептал: «Если будет другой Вивекананда, он поймёт, что этот Вивекананда сделал!» И ещё — «как много Вивекананд родится со временем!»

Он выразил желание совершить богослужение Матери Кали в Матхе в ближайшие дни и попросил двух учеников приготовить всё необходимое для церемонии. Потом он попросил ученика Сарадананду прочесть фрагмент из Аюрведы с комментариями очень известного исследователя. Свами сказал, что он не согласен с комментариями и предложил ученику дать новую интерпретацию ведическим текстам. Он разделил трапезу с братьями Матха, хотя обычно ел один в своей комнате из-за болезни. Сразу после этого, полный жизни и юмора, он преподал урок брахмачарьям — три часа санскритской грамматики. После полудня он предпринял прогулку около двух миль со

Свами Преманандой и обсуждал с ним план организации колледжа для изучения Вед в монастыре. «Для чего здесь изучать Веды?» — спросил Свами Премананда. «Это поможет избежать предрассудков», — ответил он. Вернувшись, Свами с великой нежностью благословил всех членов Матха. Потом он долго говорил о возрождении Индии. «Индия бессмертна, — сказал он, — если она не изменит своему назначению — служить Богу. Но если она оставит это ради политики или социальных интересов, она умрёт». В семь часов вечера колокол позвал в Храм для богослужения. Свами удалился в свою комнату и просил учеников, которые ожидали его, не входить, пока он их не позовет. Он провёл час в медитации, потом позвал ученика и просил его открыть все окна и опахалом повеять над его головой. Он спокойно лёг на свою постель и все думали, что он заснул или находится в глубокой медитации.

В конце часа руки его задрожали немного и он вздохнул один раз, очень глубоко. Затем наступила тишина — минута или две — и снова он вздохнул так же. Его глаза зафиксировались в центре надбровья, и по лицу разлилась божественная экспрессия. Затем наступила тишина. «Было немного крови в его ноздрях, в углу рта и у глаз», — говорил потом ученик Вивекананды.

Следуя писаниям йогов, уход через открытие центра верхнего лотоса сопровождается всегда кровью в ноздрях и во рту. Было девять часов вечера. Великий экстаз длился 10 минут. Свами Вивекананда ушёл в возрасте тридцати девяти лет, пяти месяцев и двадцати четырёх дней, таким образом подтвердив своё пророчество: «Я не доживу до сорока лет».

Братья и ученики думали, что он в глубоком Самадхи, и запели Имя Учителя, чтобы спустить бережно его сознание. Но он оставался неподвижным. Послали за доктором, и тело было обследовано. По мнению доктора, жизнь оставила тело, дыхания не было. В полночь Вивекананда был объявлен умершим, по медицинскому заключению, от раз-

рыва сердца. Но монахи оставались уверены, что их вождь своей волей покинул тело в Самадхи, как было предсказано Рамакришной.

Утром весть разнеслась. Ниведитта сидела возле тела и обмахивала его до тех пор, пока его не унесли. В два часа дня его облачили в оранжевое одеяние и убрали цветами. Религиозные церемонии были произведены, зажглись огни, и зазвонили колокола. Братья и ученики отдали последнее прощание, и процессия тихо двинулась, направляясь сквозь арки цветов и огней к дереву, на место, указанное самим Свами для кремации. Костёр был готов, и тело охватило пламя с сандаловым ароматом. Напротив этого места шестнадцать лет назад был предан огню Рамакришна.

Ниведитта начала рыдать как ребёнок, катаясь по земле. Вдруг ветер покрыл её голову куском оранжевой материи от его одеяния, и она сразу замолкла, приняв благословение своего Учителя. Священный пенел был развеян в водах Ганга. Место это теперь занимает Храм с престолом в центре, где тело Вивекананды было предано огню.

Уныние и отчаяние охватило братьев. Монахи молились в глубине своих сердец: «О Господи, помоги!» Долго не приходило утешение, а потом слова их Учителя зазвучали в сердцах, принося покой и укрепляя в борьбе:

«И может быть, мне понадобится ещё тысячу раз приходить на эту Землю и страдать, но Я буду приходить до тех пор, пока люди не поймут, что они едины с Богом. Пусть Я буду рождён ещё и ещё, и пусть Я буду страдать и мучиться в тысячу раз больше, но Я буду Богослужить Единому Богу, распростёртому во всём Сущем!»

И сейчас пусть миллионы услышат этот божественный Голос: «О человек! Сначала пойми, что ты и Брахман — Едины, и тогда пойми, что всё живое вокруг тебя — Он, Брахман!»

Серия «Жемчуг исканий»

Свами Никхилананда

ВИВЕКАНАНДА

Биографический очерк

Ответственный редактор *И. И. Сереброва*
Художественное оформление *А. С. Деменко*
Компьютерная вёрстка *Н. Ф. Василькова*

ИБ № 198. Лицензия ЛР № 030466 от 5 марта 1998 г.

Адрес Издательского центра РОССАЗИЯ
Сибирского Рериховского Общества:
630099, Новосибирск-99, а/я 251
Телефоны: (383) 223-27-55
e-mail: sibro@mail.ru; сайт: www.sibro.ru

Адрес книжного отдела СибРО «Искры Света»
и отдела «Книга – почтой»:
630007, Новосибирск-7, а/я 126, «Искры Света»
Тел./факс: (383) 218-09-50
e-mail: knigisibro@inbox.ru

Интернет-магазин: <http://knigisibro.ru>

Отпечатано в типографии
Кузбасского Рериховского Общества,
г. Новокузнецк, Кемеровская обл.

В серии «Жемчуг исканий»
вышли труды Свами Вивекананды
и биографический очерк о нём:

Свами Вивекананда
Божественная Любовь. Женщина Индии

Свами Вивекананда
Моя жизнь и миссия. Письма

Свами Вивекананда
Мой Учитель

Свами Вивекананда
Всемирный Парламент Религий.
Веданта как религия будущего?
Практика религии

Свами Вивекананда
Миссия Будды — миру.
Буддизм как завершение индуизма.
О Будде. Миссия Христа.
Душа, Бог и религия

Свами Никхилананда
Вивекананда. Биографический очерк